

ПОСЛЕДНИЙ ВОЛХВ

ВЕЛЕС ДУБОВ

Велес Дубов
Последний Волхв

«Автор»

2026

Дубов В.

Последний Волхв / В. Дубов — «Автор», 2026

Всеслав был обычным мальчишкой, пока однажды не был отмечен высшими силами. С этого момента его жизнь меняется навсегда. Лес начинает отвечать ему, духи — наблюдать, а древний мир, который люди почти разучились слышать, постепенно открывает свои тайны. Ему предстоит пройти путь хранителя старой веры, научиться слышать голос природы и прикоснуться к силам, которых боятся даже волхвы. Но время древних богов уходит. На Русь надвигается новая вера — с крестом, огнём и намерением стереть всё, что связано с прошлым. Капища горят, волхвов объявляют слугами тьмы, а людей насильно заставляют креститься. Это атмосферная сага в духе славянского исторического фэнтези о столкновении старой и новой веры, о памяти, жертве и цене, которую платят те, кто отказывается забыть свои корни. Первая книга эпического цикла о славянских богах, волхвах и мире, который хотели вычеркнуть из нашей памяти.

© Дубов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Песнь тихого берега	5
Побег	11
Добрава	14
Опасное путешествие	21
Новые приключения	24
Дуб-страж	26
Буря	34
Неожиданное лакомство	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Велес Дубов Последний Волхв

*Посвящается тем, кто
до последнего вдоха оставался
верен своим Богам.
Тем, кто не склонил головы перед
чужой верой, принесенной на Русь
огнем и мечом. Тем, чьи имена
забыты, чьи капища были сожжены,
чьи кости остались лежать под
пеплом уничтоженных городищ.*

Особо доблестным сынам и дочерям Новгорода, не утрашившихся киевских дружин князя Владимира «крестителя» и его церковных проповедников, явившихся в 990 году «спасать» их души через кровь, страх и огонь. Посвящается волхвам, сожжённым, искалеченным, заклейменным в звании «слуга тьмы», но не отказавшихся от памяти предков и накопленных знаний нашего рода. Знахарям и ведуньям, укрывающихся в лесах и пронесших сквозь века древние знания, травы, заговоры, связь с природой. И пока в ночных лесах шумит ветер, пока гроза раскалывает небо над древними курганами, память о них жива.

Песнь тихого берега

Солнце, словно золотой щит, клонилось к темнеющему лесу, рассылая по воде алые блики. Воздух был теплым, густым от запаха цветущего иван-чая и влажного речного ветерка, что ласково трепал волосы печального мальчика. Звали его Всеслав и казалось, сама природа вторила его имени. Он сидел на примятой траве, босые ноги чуть погружены в прохладную воду, где резвилась серебристая плотва. Рыбешки, будто замороженные, замерли у поверхности, их спинки вспыхивали розоватым отблеском заката. Даже кузнечики в высокой траве смолкли, и только стрекозы, словно живые искры, пронеслись над гладью.

Всеслав улыбнулся, доставая из-за пояса свирель — вырезанную из тростника и успешную стать гладкой от частых прикосновений. Пальцы сами нашли знакомые отверстия, и в воздух полилась мелодия — то ли ветра в камышах, то ли ручья, бегущего по камням. Звуки, простые и чистые, сплетались с шепотом листьев, и казалось, сама река замедляет течение, чтобы послушать. В чаще притихли птицы. Сорока, обычно болтливая, уселась на ветку ольхи, наклонив голову. Даже вечно суетливый дятел прекратил стук где-то в глубине дубравы. Только Леший, невидимый, но чуткий, наверное, прислушивался из-за корявых стволов, вспоминая давние времена, когда люди и духи говорили на одном языке.

А Всеслав продолжал играть, и в мелодии слышалось все великолепие окружающего мира: журчание родников, шум спелой ржи, смех детей у вечернего костра. Солнце коснулось верхушек деревьев, и первые звезды зажглись в потемневшем небе. Но паренек словно не замечал времени. Звуки свирели, словно живые, вились над водой, сливаясь с шелестом камышей и последними лучами солнца. Он почти полностью растворился в своей игре, пока неожиданно что-то холодное не коснулось его ступни. Сердце мгновенно екнуло. Юноша рванулся назад, речной песок взметнулся под босыми пятками, а в следующее мгновение он уже стоял на берегу, сжав свирель в дрожащих пальцах.

Вода, поглотив последние следы его испуга, вновь стала совершенно неподвижна. Даже мальки, испуганные его прыжком, уже вернулись, мелькая у самого берега.

— Водяной?.. — прошептал Всеслав, глядя в темнеющую гладь.

Но река молчала. Ни всплеска, ни тени в глубине — только песчаное дно, освещенное последним алым отсветом заката.

— Или русалки... — проворчал он, вспоминая бабушкины сказки про дев с зелеными волосами, что заманивают неосторожных в омут. — Но если это они, то почему не показались? Ведь обычно они любят дразнить.

Всеслав склонился с края небольшой кручи, стараясь разглядеть хоть что-то среди водорослей и вдруг...

Тень.

Она промелькнула так быстро, что он даже не был уверен не показалось ли ему.

Он резко выпрямился, но снова — пустота.

— Кто здесь? — громко спросил он, и эхо разнеслось по берегу.

Ответов не было. Только ветер внезапно поднялся, зашелестел листьями ольхи, словно высмеивая его страхи.

Всеслав сжал свирель крепче. Может, это просто ливень, или уж, стремящийся выползти на берег? А может... духи реки решили пошутить?

Он сделал шаг назад, готовый уже повернуться к лесу, как вдруг — всплеск. Вода взметнулась вверх прямо перед ним, и на мгновение ему показалось, что в каскаде брызг нарисовался силуэт седовласого старца, сжимающего в левой руке странный посох в основании, которого был странный узор, или знак, а в самом центре синеватый камень. Но едва капли опали обратно, видение растворилось словно ничего и не было.

— Ладно, — прошептал Всеслав, чувствуя, как по спине бегут мурашки. — Пора домой.

Он бросил последний взгляд на реку — теперь уже темную, навевающую жуть, и быстро зашагал по тропинке, ведущей к поселению.

Вечерняя тропа вывела Всеслава из дубравы на край золотого моря — бескрайнего поля спелой ржи, колышущегося под лёгким ветерком. Тяжёлые колосья, будто сотканые из последнего солнечного света, шептались между собой, пересказывая древние тайны. Вдали мелькала фигура жницы, желающей завершить работу до наступления темноты, а над полем кружили стрижи, прощаясь с уходящим днём.

За полем, на пригорке, словно вырастая из самой земли, раскинулось большое поселение, окружённое мощным частоколом из заострённых брёвен. Над высокими воротами возвышались резные лики богов-покровителей — благодатная Макошь и мудрый Велес с бычьими рогами. За оградой теснились крепкие срубы, украшенные затейливой резьбой: солнечные круги и волнообразные узоры на фронтонах казались застывшими заклинаниями, охраняющими покой обитателей. Дым из печных труб стелился по вечернему воздуху, смешивая аромат свежего хлеба с горьковатым запахом тлеющего можжевельника.

По улицам, вымощенным дубовыми плахами, важно расхаживали гуси, а у колодца с резным журавлём звенели девичьи голоса. На центральной площади, под сенью древнего дуба, увешанного цветными ленточками-оберегами, степенно беседовали старцы, а рядом резвилась детвора, гоняясь за пёстрым котом. Из кузницы доносился ритмичный звон молота — кузнец, невзирая на приближающуюся ночь, продолжал работу, и алые искры разлетались в сумерках, как огненные светляки.

Но даже в этой мирной картине Всеслав не находил покоя. Холодное прикосновение в реке всё ещё ощущалось на его коже, будто дух реки не хотел отпускать свою добычу. Он обернулся — за спиной темнел лес, а над ржаным полем уже стелился лёгкий туман, похожий на дымку забытого сна. Сжав свирель в потной ладони, юноша шагнул под сень резных ворот, где его встретил знакомый шум родного поселения — смех, лай собак, скрип телег. Но в ушах по-

прежнему звучал тот странный шёпот воды, и сердце сжималось от необъяснимого предчувствия. Последние лучи заката дрожали на резных солнечных знаках, украшавших фронтон его родного дома, будто предупреждая о чём-то, что ещё только должно случиться.

Всеслав осторожно приоткрыл скрипучую дверь, сплетенную из дубовых досок и украшенную резным изображением коня – символа Рода-покровителя. Тёплый воздух, пропитанный ароматом сушёных трав и древесной смолы, нежно обволок его. В сенях, где обычно хранились берестяные коробки с зерном и глиняные крынки с молоком, сейчас было пусто – только пучки чеснока и зверобоя, развешанные под потолком, тихо покачивались от сквозняка.

Основная горница встречала полумраком, сквозь который пробивался трепещущий свет лучины, воткнутой в железный светец у красного угла. Там, под расшитым рушником с изображением Макоши-пряхи, стояли деревянные обереги предков, а рядом – глиняная чаша с мёдом для поминальных треб. Пол был устлан душистым сеном, поверх которого лежали домотканые половики с геометрическими узорами. В центре стояла массивная дубовая лавка, почерневшая от времени, а над ней на цепи висел медный котелок, в котором ещё тлели угли от вечерней каши.

У печи-каменки, сложенной из дикого камня и глины, сидел старец Радогост – его седая борода, заплетённая в три косы по обычаю волхвов, почти касалась колен. Глаза, глубокие как лесные озёра, неотрывно следили за Всеславом, пока тот снимал пояс с обережными бляхами. Взгляд старца был тяжёл, словно осенний дождь – в нём читалось и знание, и какая-то невысказанная тревога. Он молча водил костяным перстом по кромке стола, от чего в доме повисла звенящая тишина, будто даже домовый затаился за воронцом у печи, где обычно оставляли ему угощение.

Всеслав замер на пороге, ощущая, как под босыми ногами холодеют выщербленные доски пола.

Радогост – седобородый ведун, чьё имя шептали с опаской даже взрослые мужики, сидел в их доме, словно тень из древних сказаний. Его появление здесь было таким же неожиданным, как снег среди лета.

Старец жил далеко за частоколом, в избушке, что стояла на границе леса и болот, где даже самые смелые охотники не решались собирать грибы. Говорили, что сруб его жилища сложен из деревьев, поваленных ураганом в ночь зимнего солнцестояния, а крышу крыли шкурами волков. К нему шли только в крайней нужде – когда хворь не брали ни травы, ни заговоры, когда скотдох от неведомого мора, или, когда пропадали дети в лесу. И он помогал – всегда, словно сами Боги были его помощниками.

Его силу знали все. Рассказывали, как однажды он остановил кровь у раненого воина одним взглядом, а в другой раз заставил град обойти стороной поле, где был воткнут его посох. Но были и другие истории – будто по ночам к нему в окна стучатся вороны с красными глазами, а в полнолуние он разговаривает с лешим и кикиморами. Старухи шептались, что он может обернуться рысью, или туманом, а дети клялись, что видели, как лесные тропинки сами расступаются перед ним.

И вот теперь он сидел у их очага, его крючковатые пальцы водили по резным знакам на столе – тем самым, что отец Всеслава вырезал для защиты от нечисти. Его платье, сшитое из грубой конопляной ткани, пахло дымом, сушёным мухомором и чем-то ещё – тёплым и звериным, похожим на шкуру медведя. Взгляд его, жёлтый, как у совы, не отрывался от Всеслава, и мальчик чувствовал, как под этим взглядом по спине пробегают мурашки.

— Садись, — хрипловатым голосом произнес Радогост.

Всеслав медленно опустился на лавку, не решаясь даже отряхнуть с ног речной песок. Время словно остановилось – даже огонь в печи будто притих, и только тень ведуна, неестественно большая, колыхалась на стене, принимая то ли птичьи, то ли звериные очертания.

— Ты сегодня играл у воды, — вымолвил старец и в его устах это звучало ни как вопрос, а утверждение.

Всеслав кивнул, не в силах соврать, даже если бы захотел.

Радогост медленно поднял руку и провёл ладонью над чашей с мёдом, стоявшей на столе для подношений Богам.

— Он отметил тебя, - загадочно провозгласил старец и перевел взгляд на испуганную мать Всеслава, которая стояла возле стола боясь даже пошевелиться.

Велеслава, женщина статная и гордая, с волосами, что спелые колосья, заплетённые в тугую косу до пояса, встала между сыном и старцем. Её глаза, обычно тёплые, теперь сверкали тревогой.

— Радогост-батюшка, — голос её дрожал, — да что вы говорите? Всеслав — обычный мальчик, ни в чём не отличный от других. Бегаёт с остальными ребятами, рыбу ловит, на дудочке играет... Может, вы его с кем спутали?

Она машинально поправила вышитый рукав своей понёвы, где красные нити обережных узоров сплетались в знаки Макоши. Её движения были резкими, словно она пыталась отгородить сына от незримой угрозы.

Радогост решительно поднял руку.

— Хватит.

И в этот момент даже пламя в печи на миг словно приникло к поленьям.

— Не тебе судить кого выбирают Боги!

Велеслава побледнела, её пальцы вцепились в складки одежды. Она хотела возразить, но слова застряли в горле.

Радогост поднялся, а его тень, приняла угрожающие очертания. Он опёрся на посох, украшенный волчьими клыками, и вновь обернулся к Велеславе.

— Готовьте его. Через два дня я вернусь.

Не дожидаясь ответа, он вышел даже не попрощавшись.

Едва тяжелая дубовая дверь захлопнулась за ним, Велеслава рухнула на колени. Густая коса растрепалась и рассыпалась по плечам, когда она, содрогаясь, прижала ладони к лицу. Горестные рыдания начали неистово вырываться из её груди. Всеслав растерянно присел рядом, обняв мать за дрожащие плечи. Он чувствовал, как сквозь тонкую ткань его рубахи проступают горячие слёзы, но слова утешения застревают в горле. Велеслава лишь сильнее вцепилась в него, её пальцы впились в спину, будто она пыталась удержать сына от незримой пропасти.

— Матушка, да что случилось? — прошептал он, но в ответ раздался лишь новый приступ рыданий.

В этот момент дверь распахнулась с такой силой, что берестяной оберег, висевший на косяке, сорвался и закружился на полу. На пороге стоял Яромир — отец Всеслава, высокий, широкоплечий, с медвежьей силой в руках и чёрной, как смоль, бородой. Его глаза, обычно спокойные, вспыхнули яростью, заметив страдания жены.

— Велеслава?! — душа моя. В два шага он оказался подле нее и склонившись на колено обхватил ладонями лицо супруги. — Кто тебя обидел? Говори!

Велеслава лишь покачала головой. Её пальцы дрожали.

— Он... он, — причитала она не в состоянии успокоиться. — Радогост... пришел... за ним...

Яромир побледнел. Его взгляд метнулся к двери, затем к сыну, и в глазах мелькнуло что-то дикое, необузданное.

— Всеслав, — произнес он тихо, — иди... погуляй ненадолго.

Мальчик замер, чувствуя, как сердце бешено колотится. Он хотел ответов, пояснений, но отец уже отвернулся, стремясь поскорее обнять мать, а в его позе читалась такая непоколебимая решимость, что спорить было невыносимо.

Выбравшись на улицу, Всеслав глубоко вдохнул вечерний воздух и ноги сами понесли его прочь от дома, к окраине поселения, где за частоколом уже темнело поле, а за ним – лес.

Сгорбившись под тяжестью необъяснимой тоски, он брёл к своему тайному убежищу — шалашу, спрятанному за могучим дубом, сразу за частоколом. Ствол древнего исполина, покрытый глубокими трещинами, словно морщинами старца, надёжно укрывал это место от любопытных глаз. Здесь, среди сплетённых ветвей и высушенного камыша, всегда царил особый покой, пропитанный ароматом нагретой солнцем коры и полевых трав.

Именно здесь его уже ждала Веселина — единственная, кому он доверил секрет этого уголка. Девочка, на два года младше него, сидела на подстилке из мягкого мха, поджав под себя босые ноги. Её волосы, цвета спелой ржи, были заплетены в две небрежные косы, из которых уже выбивались светлые пряди, будто солнце специально цеплялось за них своими лучами. Глаза, большие, как лесные озёра и зелёные как юная весенняя листва, встретили Всеслава без слов, но с таким пониманием, что ему сразу стало легче.

— Опять старичье тебя донимает? — спросила она по-взрослому деловито, поправляя подол своей простой льняной рубахи.

Её голос звучал, как ручеек — звонко, но уже без детской слащавости. В её чертах уже угадывалась будущая красота: высокие скулы, мягкий овал лица, губы, всегда готовые сложиться в улыбку. Но главное — была какая-то внутренняя теплота, словно в ней самой жил кусочек летнего солнца.

— Ты же знаешь, они все глупенькие, — добавила Веселина, протягивая ему горсть лесных ягод. — Вот, собрала для тебя. Ешь, а то опять киснешь, как гриб после дождя.

Всеслав хмыкнул, но ягоды взял. Она всегда умела развеять его мрачные мысли — даже когда они впервые строили этот шалаш, и он, рассердившись, что ветки не слушаются, чуть не разломал всю постройку. Тогда она просто села рядом и начала напевать какую-то нелепую песенку, пока он не рассмеялся.

— На этот раз всё серьёзно, — пробормотал он, разглядывая ягоды. — Радогост приходил...

Девочка замерла, даже ветер, игравший её косами, будто притих. Это имя у всех в поселении вызывало робость, граничащую со страхом.

— Ну и?

— Он сказал, что вернётся через два дня и что я должен быть готов.

Тень пробежала по её лицу, но уже через мгновение она решительно вскочила на ноги, отряхнув мох с одежды.

— Тогда нам надо что-то придумать! — твердо произнесла она, а в глазах вспыхнул ранее не свойственный ей огонек.

Темнело.

Всеслав сел, поджав колени, а Веселина начала суетливо копошиться, разворачивая свой узелок из выцветшего платка.

— Держи, — вдруг сказала она, протягивая ему что-то блестящее.

В её ладони лежала бусина — синяя, с золотыми прожилками.

— Это тебе. Моя бабка говорила, что она волшебная.

Всеслав поднял бровь и едва сдерживая улыбку, начал перекачивать бусину между пальцами.

— И что, она спасет от Радогоста? — иронично спросил он.

— Может, и спасёт! — Веселина упрямо поджала губы. — Бабка знала такие штуки, что тебе и не снились. Говорила, если беда прижмёт — держи её при себе, и она путь укажет.

Он хотел пошутить, но вдруг заметил, как серьёзно смотрят на него её зелёные глаза.

— Ладно, — он сунул бусину в мешочек на шее. — Пусть будет.

Веселина мгновенно оживилась.

— Значит, завтрашний день наш? — прошептала она, придвигаясь ближе. — Я подготовлю узелок с едой и спрячу под корнями дуба, а ещё...

Она робко взглянула в сторону входа и вытащила из-под мха отцовский нож в берестяных ножнах.

— Веся! — Всеслав аж подпрыгнул. — Ты с ума сошла? Он тебя...

— Он сегодня снова во хмелю будет — не хватится., — буркнула она. — А нам ведь надо как-то дичь добывать, если...

Она не договорила, но Всеслав понял, что она хочет убежать. Убежать вдвоем.

Ветер внезапно зашевелил листья дуба, и сквозь щели шалаша пробился последний луч заката, возвещающий что им пора возвращаться.

— Значит, решено — завтра, — твёрдо сказал Всеслав.

Они сцепились мизинцами, как всегда делали, когда клялись друг другу в чем-то важном и выйдя наружу поспешили по домам.

Побег

Багряная полоска заката уже исчезала с острых кольев частокола, когда Всеслав подошел к родному дому – и замер. У ворот стоял их запряженный воз, нагруженный узлами, котлами и даже веретенном матери. Лошадь, обычно спокойная, била копытом, будто чуяла недоброе.

Сердце Всеслава упало. Он рванул дверь – внутри горели все лучины, и в этом тревожном свете мелькали тени родителей. Мать, бледная как холст, наспех завязывала последний узел, а отец, сжимая в руках топор, что-то сердито шептал ей.

— Сынок! – Велеслава первой заметила его. Она бросилась к нему, схватив за плечи. – Собирайся, сейчас же! Мы едем к дяде Светозару, вверх по реке. Там переждем...

— Что? Нет! – Всеслав вырвался. – Мы не договаривались! Я не могу...

Он не успел договорить. Яромир, шагнул вперед, и его тень накрыла сына, как черная туча.

— Ты слышал мать?! Не обсуждается. Ни слова больше, или я тебя связанным в телегу брошу.

Его глаза горели жестким, незнакомым огнем. Это был не просто гнев – в них читался страх, но страх не перед чем-то, а за него – Всеслава, его единственного сына.

— Но... Веселина... – попытался вставить Всеслав.

— Забудь про нее! – мать вдруг вцепилась ему в руку, и ее ногти впились в кожу. – Ты даже не представляешь, что...

Яромир резко поднял руку в знак молчания.

— Одевайся. Бери только необходимое, как полностью стемнеет - трогаемся.

Всеслав стоял, сжав кулаки, чувствуя, как бусина на шее жжет кожу. Он должен был предупредить Веселину... Но отец, будто прочитав мысли, бросил на него строгий взгляд и перегородил путь к двери.

— Давай же! – рявкнул он.

Всеслав, стиснув зубы, поплелся к сундуку.

Когда они выезжали за ворота, дозорные проводили их удивленными взглядами, но ничего не сказали. В их глазах лишь отразился суеверный страх и желание как можно скорее затворить за ними ворота, чтобы ненароком не запустить внутрь нечистую силу, таящуюся в ночном лесу.

Тьма сомкнулась вокруг них, словно живая пелена, когда ворота городища с глухим стуком захлопнулись за их спинами. Всеслав почувствовал, как по спине пробежали ледяные мурашки. Будто они не просто покинули поселение — а переступили черту, за которой кончался мир людей и начиналось царство ночных духов.

Лес стоял стеной, чернее самой ночи. Деревья, знакомые днем, теперь вытягивали узловатые, скрюченные ветви, словно руки голодных великанов. Ветер шевелил листву, и шепот листьев звучал как ворожба, перешептывание невидимых существ.

Яромир крепко сжимал поводья. Он был настолько напряжен, что казалось даже не мигал, а только пристально вглядывался в темноту.

Велеслава куталась в накидку, но дрожь выдавала ее. Она беспрестанно водила рукой перед собой шепча заговоры — то к Макоши, то к Велесу. Ее глаза бегали по опушке, ловя каждый странный силуэт, каждое подозрительное движение.

Всеслав сжимал в руке бусину, подаренную Веселиной, она в одночасье превратилась для него в самый сильный оберег. Он был готов поклясться, что видел в кустах желтые глаза, следящие за ними, а когда ветер стихал, ему чудились шаги — мягкие, осторожные, словно идущие за ними последам.

Лошадь шла, заложив уши, и ее круп дрожал. Она фыркала, будто чувствуя что-то во тьме.

— Не смотри назад, — прошипел Яромир.

Но Всеслав не удержался и обернулся.

На миг ему показалось, что между деревьями скользнула высокая фигура — бледная, как лунный свет и слишком длинными руками. Он съежился и еще сильнее сжал бузину в руках.

— Отец... — испуганно простонал он.

— Я сказал — не оглядывайся! — взревел Яромир, хлестнув лошадь.

Лошадь с бешеным ржанием рванула вперед, ее копыта в безумном ритме били по корням, вывороченным на тропу. Воз трясло так, что зубы Всеслава стучали, а кости гудели от ударов. Ветки, словно живые, хлестали по лицу и рукам, оставляя тонкие кровавые полосы — то ли в наказание, то ли пытаясь уцепиться, удержать.

Всеслав зарылся под грубую овчинную накидку, но страх гнал кровь в виски, заставляя снова и снова выглядывать. И каждый раз — эти глаза.

Из чащи, сквозь частую сетку ветвей, на него взирали горящие янтарные зрачки, без век, без моргания. Они следили, провожали, прожигали его насквозь. А сбоку, едва поспевая за повозкой, ковыляло нечто — высокое, кривое, словно трухлявый пенёк, оживший и вырвавшийся корни из земли. Его сучья-руки тянулись к колесам, царапая ободья, а из разверстой щели, похожей на рот, доносилось хрипкое посвистывание, словно ветер в пустом дупле.

— Леший... — прошептал Всеслав, и губы его онемели от ужаса.

Яромир хрипло ругался, хлестал лошадь, но та, итак, находилась на пределе своих возможностей.

Велеслава воплотилась в живой оговор, непрестанно шевеля губами, а ее пальцы лихорадочно перебирали обереги на шее:

— «В лес не хожу, в травы не ступаю, Лесовика не призываю... Чур меня, чур!»

Но тень не отставала. Она переваливалась с ноги на ногу, ее сучья скрипели, а из-под мохнатой «головы» вдруг показалась длинная щель — рот, растянувшийся в немой усмешке.

Всеслав вжался в дно повозки, чувствуя, как бусина на его шее нагревается.

И тут — .... Ветер рванул с такой силой, что деревья закричали, склоняясь до земли, а затем словно сама нечистая сила швырнула перед ними огромную осину. Ствол с грохотом рухнул поперек тропы, подняв тучу прелой листвы и хвои. Земля дрогнула, лошадь встала на дыбы, и воз с грохотом опрокинулся на бок.

— К реке! Быстро! — Яромир рванул топор из-за пояса, а в другой руке сжал нож.

Внезапно ночь разрезал Волчий вой — сначала один, потом другой, третий, пока не слился в жуткий хор, от которого кровь стыла в жилах. Где-то совсем близко хрустнули ветки, послышалось тяжелое дыхание и щелканье когтей по камням.

Всеслав и Велеслава бросились к звуку воды, спотыкаясь о корни, падая и поднимаясь снова. За спиной у них раздавались громкие выкрики Яромира пытавшегося отпугнуть хищников и выиграть для них драгоценные мгновения.

Река оказалась ближе, чем они думали и вот их ноги уже замерли на крутом берегу, под которым бушевала стремительная черная вода. На другом берегу виднелись очертания леса но более редкого и дружелюбного по сравнению с тем из которого они выбрались. От него веяло светом и спасительной безопасностью. Два берега соединяла полупрогнившая береза, очевидно находящаяся здесь очень давно.

— По бревну! — выкрикнул Яромир, отступая к ним спиной. Его топор был заляпан чем-то темным, а в глазах горела ярость, смешанная с отчаянной решимостью.

Ствол, полуистлевший, скользкий, являл из себя очень зыбкий мост. Велеслава, не раздумывая, ступила на него, балансируя, как тростинка на ветру.

— Теперь ты! — Яромир толкнул Всеслава вперед, но в тот же миг из чащи вырвалась тень — огромный, плечистый волк, с глазами, горящими, как угли. За ним — еще двое, пятеро...

Яромир размахнулся топором, но волки не нападали. Они встали полукругом, рыча, скаля клыки, но не переступая черту, будто что-то удерживало их.

— Беги! — проревел отец.

Всеслав, трясаясь от страха, ступил на бревно. Оно закачалось, кора осыпалась под его босыми ногами. Где-то внизу река глухо рокотала, обещая верную смерть тому, кто сорвется. Он неуверенно балансируя проделал половину пути и уже видел руки матери, призывно протянутые к нему с того берега и желающие обхватить, едва он окажется в их досягаемости, но вдруг, на том берегу среди деревьев вспыхнули те самые глаза...

Ноги подкосились, тело потеряло равновесие и он как срезанный колос устремился в бурные потоки. Его тело лишь мелькнуло на мгновение среди пенных гребней, прежде чем река навсегда скрыла от отчаянного взгляда отца и обезумевшего лица матери.

На губах Велеславы застыл немой крик. Глаза потемнели и она в беспомощности рухнула на землю.

Яромир издал крик злобного отчаяния и стал неистово размахивать топором, желая расчистить дорогу к реке и постараться спасти сына. Он рубил направо и налево, но казалось серые твари были сотканы из воздуха, ибо каждый раз топор проваливался словно в пустоту. Между тем грозные хищники становились все ближе, их горячее дыхание обжигало кожу, а желтые глаза светились странным, почти человеческим пониманием. Они не рвали его на части, не бросались в яростную атаку — они методично, неумолимо оттесняли его прочь от реки, к черной стене леса.

Яромир предпринял последнюю попытку и метнув топор в волка находящегося прямо перед ним, кинулся к реке, но корни деревьев словно опутали его лодыжки и он повалился наземь упав лицом в сырую землю усыпанную хвоей и заросшую густой травой. Он ощутил над собой грозное рычание и дыхание своих палачей. Яромир мысленно приготовился ко встрече с Велесом и приподняв голову посмотрел в сторону Велеславы, которая продолжала лежать без сознания на том берегу.

— Что будет с ней?! — пронеслось у него в голове. — Ограничатся ли серые убийцы только им, или его несчастная супруга тоже познает на себе жестокость их клыков. Он с ужасом представил, как их ненастные пасти будут рвать на части ее нежное тело и волна неопишемого ужаса пронзила его. Он начал корить себя за эту бездумную выходку отправится ночью, но что теперь было размышлять об этом...

Внезапно в глубине чащи раздался пронзительный волчий вой и волки, находящиеся подле него, как по приказу сорвались со своих мест и умчались в лес. Яромир, не веря, что по-прежнему жив поднялся на ноги и с удивлением осмотрел себя. Ни кровинки, ни царапинки. Он бросился к бревну и бросил взгляд вниз — темная бурная бездна с порогами и острыми камнями — шансов не было. Сглотнув ком горечи, он подошел к Велеславе. Она была жива. Он взял её на руки и понес к перевернутой повозке. Необходимо было принять свалившиеся на них горе, пережить его и начать жизнь заново.

Добрава

Голова слегка кружилась, тело ломило. Всеслав медленно открыл глаза, и первое, что ощутил — тепло. Тепло печи, тепло солнечных лучей, пробивающихся сквозь небольшие, но чистые окошки, слегка прикрытые ставнями. Потолок был низковат, из темных, хорошо отесанных бревен, а по углам вились засушенные мухоморы и пучки трав — мята, зверобой, чабрец, наполнявшие воздух мягким, успокаивающим ароматом.

Он лежал на широкой лавке, укрытый лоскутным одеялом, сшитым из разноцветных кусочков ткани. Под головой — думка, набитая сеном и пахнущая сухими цветами.

Горница была просторной и уютной. В углу стояла грубоватая, но крепкая деревянная кровать с подоткнутым покрывалом из домотканого полотна. На стене висели плетеные корзины, берестяные туеса, а у печи — глиняные горшки, аккуратно расставленные на полке. Напротив него, у стола из нестроганных досок, сидела пожилая женщина. Невысокая, круглолицая, с седыми волосами, собранными под платком. Она что-то мешала в горшке, и аромат травяного отвара смешивался с запахом свежее испеченного хлеба, лежавшего на столе под чистым льняным полотенцем.

За окном шумела река, но уже не буйная и опасная, а спокойная, лениво перекатывающая воду между камнями. Сквозь оконце виднелась поляна, залитая солнцем, а за ней — густой лес, но теперь он не казался таким угрожающим, а напротив дружелюбным и приветливым.

Женщина обернулась и поймала его взгляд.

— О, живёхонек! — произнесла она с добродушным облегчением. — Ну, слава речному владыке, а то уж думала, не отойдешь... Уж изрядно воды то нахлебался.

— Ты... кто...? — прошептал он.

Женщина улыбнулась, поднося к его губам деревянную чашку с теплым отваром.

— Зовут меня Добрава. А ты, паренёк, в моём доме. В глуши. Тебя, можно сказать, сама река принесла...

Тут где-то за стеной, на крыльце, скрипнула половица — будто здесь был кто-то ещё.

Всеслав сморщился от горького вкуса отвара, но под настойчивым взглядом Добравы покорно допил до дна. Жидкость обожгла горло, но почти сразу по телу разлилось приятное тепло.

— Это отвар из зверобоя, девясила и щепотки багульника, — пояснила Добрава, забирая пустую чашку. — С медом бы легче пошло, да у меня его нынче в обрез.

— Как я тут оказался? — робко спросил мальчик, вспоминая ночную трагедию.

— На заре пошла я к реке, по росной траве, коренья собирать. Гляжу — лежит паренёк, весь в тине, бледный как смерть, да волной так и швыряет его на песок. Думала, утопленник, ан нет — дышит.

Она достала из-под лавки берестяной туес, откупила его, и в воздухе запахло хвоей и чем-то пряным.

— А потом натерла тебя настойкой можжевельника с перцовой мятой да на смоле сосновой.

Она ткнула пальцем в его грудь, где кожа еще покалывала от согревающей мази. — Вот и очнулся!

Всеслав потрогал липкую от настойки кожу. Тело ныло, но уже не так сильно, а в голове прояснилось.

— А... а мои родители? — спросил он, и голос его дрогнул.

Добрава на мгновение замедлила движения, но тут же встряхнула головой:

— Один ты был, милоч. Ни души вокруг.

За дверью снова скрипнула половица — на этот раз громче.

Добрава бросила взгляд во двор и торопливо встала.

Вот ведь ирод ненасытный, — пробубнила она и направилась к двери. — Ладно, лежи пока. Я щи поставлю, а ты не дергайся, а то опять в жар бросит, — произнесла она не оборачиваясь и вышла в сенцы.

Всеслав сразу увидел в Добраве человека редкой душевной теплоты, чья внешность излучала спокойствие и уют. Невысокого роста, плотная, она двигалась мягко и плавно, словно ее ноги никогда не спешили, а всегда точно знали, куда идут. Ее округлое, морщинистое лицо излучало добро и солнечное тепло. Светлые, чуть выцветшие от времени глаза смотрели на мир с тихим пониманием, а в их глубине мерцала та самая мудрость, что приходит только с годами и многими пережитыми невзгодами.

И странное дело – в ее присутствии даже скрип половиц под ногами звучал уютнее, а запах сушеных трав и горячего хлеба казался не просто бытовым, а каким-то... защищающим. Будто сама атмосфера ее дома говорила: здесь можно закрыть глаза и наконец-то выдохнуть. Здесь – безопасно.

Всеслав хотел встать с кровати и осмотреться, но едва скинул край покрывала, как тут же вернулся обратно и робко укрылся до самого подбородка. Он был гол как сокол. Лишь тонкая льняная простыня отделяла его от наготы.

Долго смущаться не пришлось – дверь скрипнула, и на пороге снова появилась Добрава. В ее руках дымилась глиняная миска с парящей похлебкой, а глаза сразу метнулись к его покрасневшему лицу.

— Ох, милоч, да ты весь вспыхнул, как маков цвет! — она добродушно хмыкнула, но без насмешки. — Не крутись, не крутись, все у меня припасено.

Она ловко перекинула через спинку лавки длинную холщовую рубаху – потертую, но чистую, пахнущую дымом и сушеной мятой.

— Твоя-то вся в речном иле, сушится на плетне. А это – муж мой когда-то носил. Ты хоть и моложе, а плечи уже широкие – сойдет.

Прежде чем он успел что-то сказать, она уже повернулась к двери, нарочито громко приговаривая:

— Молоко в подпол не убрала – не хватало чтобы скисло.

Дверь захлопнулась.

Всеслав быстро натянул одежду. Ткань, грубоватая на ощупь, оказалась удивительно мягкой. Рубаха хоть и висела мешком, доходя до колен, но в этом было что-то уютное – домашнее.

Спустя несколько минут Добрава вернулась, неся в руках дымящийся каравай ржаного хлеба и глиняную миску с душистыми щами. Она накрыла на стол с тихой, привычной аккуратностью, но взгляд её то и дело скользил к Всеславу, который, забыв все приличия моментально набросился на еду. Ложка дрожала в его руке, а губы обжигались горячим бульоном, но остановиться он не мог — будто впервые за много дней осознал, как сильно голоден.

Добрава же села напротив и попросила рассказать каким образом Всеслав оказался в реке. Пока он прерывисто вешал, отвлекаясь на пережевывание - она слушала, внимательно, не перебивая. Весь его рассказ: о странном прикосновении в реке, о Радогосте, о бегстве через лес, волках, странных глазах в лесу и родителях, оставшихся на берегу, сильно ее заинтриговали.

— За родителей своих не тревожься, — наконец сказала она, когда он замолчал. — Без надобности они, не тронет он их.

Она провела ладонью по краю стола, будто сглаживая невидимые трещины.

— А вот на тебя глаз положил. Потому больше не отпустит.

В горнице вдруг стало тихо, так тихо, что слышалось, как трещат угли в печи и как за окном шелестит листва, будто кто-то осторожно крадетсЯ по траве.

Всеслав почувствовал, как по спине пробежал холодный пот. Комок в горле стал таким объемным что он едва сглотнул его. Вспомнилось не только волчье рычание в чаше, но и тот желтый взгляд, что следил за ним из-под корявых ветвей.

— Я не боюсь Радогоста, — постарался произнести он твердо, но голос дрогнул, выдавая ложную храбрость.

Добрава тяжело вздохнула.

— Да при чем тут Радогост-то, глупыш? — ее голос понизился до шепота. — Я тебе о самом Велесе толкую. О хозяине лесов, о том, кто мертвых в землю кладет, а живых — на путь наставляет. Если уж он тебя приметил...

Она замолчала, будто боялась, что само имя этого бога привлечет его внимание.

За окном внезапно стихли птицы. Даже ветер перестал шевелить листья, и в этой неестественной тишине Всеслав ясно услышал — глухой, мерный стук, будто кто-то бьет посохом о землю где-то в глубине леса.

Тук.

Тук.

Тук.

— ...то другого пути у тебя нет, — закончила Добрава с каким-то гипнотическим знанием в глазах. — Либо добровольно к нему придешь, либо и сам и твои близкие беды хлебнете.

Всеслав так резко вскочил, что лавка грохнула об пол. Его кулаки сжались, ногти впились в ладони, но он не чувствовал боли — только жгучую ярость и ледяной ужас при мысли о том, что родители могут быть в опасности.

— Как мне прийти к нему?! — взорвался его голос в тишине горницы.

Добрава даже не моргнула.

— Ишь ты, разгорелся, как уголёк на ветру, — проворчала она. — Смотри не вскипи раньше времени. Вначале портки свои высуши да сил наберись, а потом к Радогосту отправляйся, только он помочь в этом деле может.

Имя сурового старца, словно грозовая туча, повисло в воздухе. Всеслав непроизвольно поёжился, но тут же выпрямился.

— Как я найду его? — спросил он тихо, но твёрдо.

Добрава указала пальцем за окно — туда, где между деревьев уже сгустились сумерки.

— Хозяин доведёт.

Словно в унисон ее словам на крыльце вновь скрипнула доска и раздалось жалобное фырканье. Добрава недовольно покачала головой и бормоча что-то поднос вышла за дверь. Всеслав заметил, как ее силуэт мелькнул за окном и скрылся в сарае. Ребяческое любопытство взяло верх. Он подбежал к двери и осторожно приоткрыл ее. Его взору открылись небольшие, но удивительно насыщенные пространством сенцы. Воздух здесь был густой, терпкий, пропитанный ароматами сушеных трав, корней и древесного дыма.

Слева вдоль стены тянулись широкие полки, буквально ломящиеся от всевозможных знахарских сокровищ: глиняные и берестяные туеса с наклеенными полосками бересты и странными знаками на них, пучки сушеных трав, связки сушеных грибов.

В углу стояла массивная ступа из цельного дубового ствола с пестиком, обмотанным красной нитью. Возле нее на маленьком столике были разложены несколько кремневых ножей разного размера, деревянные плоски с какими-то мазями и глиняные кувшинчики, плотно закрытые берестой и запечатанные воском.

Напротив, у другой стены, располагалась небольшая, но основательная печурка с дымоходом. На ней стоял чугунок с чем-то кипящим, откуда шел густой, пряный пар.

Объемный подоконник был устлан свежими еловыми ветками, которые наполняли воздух лесным ароматом. Над дверью висел пучок чеснока, перевязанный красной нитью, а по углам - связки лука и какие-то засушенные цветы.

В дальнем углу стояла деревянная кадка с мутноватой жидкостью, из которой торчали какие-то коренья. Над ней на веревочке качался небольшой мешочек из недубленой кожи, явно с чем-то внутри.

Сквозь приоткрытую наружную дверь Всеслав увидел, что Добрава из сарая еще не вышла. В этот же момент снаружи из-за двери повторилось тоже фырканье, смешанное с довольным почавкиванием и звуком кадки, шаркающей о землю словно кто-то пытается вылизать ее до самого дна.

— Собака! – радостно воскликнул Всеслав и сердце тут же наполнилось радостью – присутствие этого милого четвероного вселяло в него теплоту и чувство некой надежности посреди этого дикого уголка.

Всеслав всегда легко ладил с собаками, даже с чужими, они словно принимали его за своего. Потому не помня себя от радости, он беззаботно выбежал во двор и тут ноги окаменели, а сам он оцепенел, боясь пошевелиться.

В двух шагах от него, у большой дубовой кадки, возвышался огромный бурый медведь. Его могучая спина перекрывала солнце, отбрасывая на землю широкую тень. Зверь глубоко засунул морду в кадку, с громким чавканьем вылизывая последние капли меда со дна.

Восклицание дикого ужаса невольно слетело с губ перепуганного мальчика. Медведь резко поднял голову. Капли меда и частички сот свисали с его морды, а маленькие глазки сверкнули яростью. Он встал на задние лапы, превратившись в массивную темную гору. Его грудь раздулась, шерсть встала дыбом, а из пасти вырвался оглушительный рев. Всеслав отпрянул, но споткнулся о корзину с грибами и рухнул на землю. Перед глазами проскользнули обрывки его недолгой жизни и в тот же момент к телу потянулись огромные когтистые лапы, готовые разорвать в клочья.

Всеслав зажмурил веки и ощутил горячее медвежье дыхание, пахнущее медом и уже приготовился войти во владения Велеса, как вдруг...

— Ооох, ты что ж это удумал изверг косолапый! А ну не трожь гостя!

Резкий голос Добравы прорвался сквозь звериный рык и заставил того мгновенно приоткрыть.

Всеслав осторожно приоткрыл один глаз.

Бурый великан замер, его лапа замерла в полуметре от лица мальчика. Зверь недовольно хрюкнул, опустил на четыре лапы и виновато склонив голову, попятился обратно к оставленной кадке.

Добрава подошла и слегка шлепнула медведя по носу деревянной ложкой.

— Ах ты ирод неугомонный! Гостя пугать! — она схватила его за ухо и скорее демонстративно, чем со злобы несколько раз потаскала.

— Прости, милоч, - обратилась она к Всеславу. — Гостей у нас не бывает вот и распустился.

Медведь жалобно заворчал, тычась мордой в её подол, будто прося прощения.

Всеслав не мог поверить своим глазам.

— Это ваш... медведь? — прошептал он, все еще прижимаясь спиной к земле.

Добрава улыбнулась, поправляя платок.

— Уберегла я его от гибели неминуемой еще в младенчестве, выходила, вырастила, да и выпустила в лес, а он видать никак забыть меня не может, да и захаживает по случаю. А еще... — она перевела взгляд на косолапого. — Мед любит до беспамьятства, а сам видно добыть не может, либо пчел боится вот и обирает меня окаянный.

Добрава посмотрела на бурого обжору и осуждающе покачала головой.

— Уж сколько зарекалась ни капли больше не давать – пусть сам учится собирать. А как увижу морду эту бесстыжую... а главное так смотрит всегда жалобно, тоскливо, что сделать собой ничего не могу.

Добрава тяжело вздохнула и потеревила лесного великана по косматому загривку. Зверь в ответ покорно заурчал, как обычная домашняя кошка.

Всеслав не мог оторвать глаз от этой странной пары - хрупкая старушка и огромный лесной владыка, который рядом с ней превращался в милого безобидного шеночка.

— Зим пять назад это было, - продолжила Добрава, с какой-то иной сказочной интонацией. — Пошла я за ягодами и целебными кореньями, да так далеко забрела, куда даже в молодые годы не захаживала.

Она провела рукой по медвежьей голове, а зверь прикрыл глаза от удовольствия.

— И наткнулась на медвежью ловушку - яму старинную, еще предками выкопанную. На дне - мертвая медведица на кольях. А рядом...

Добрава сделала паузу, ее глаза прояснились, а лицо расплылось в умилении. — Этот малыш стоял. Совсем еще медвежонок, тощий, облезлый. Стоит на краю и скулит, будто понимает - либо с голоду издохнет, либо волки растерзают.

Всеслав невольно приблизился, замороженный рассказом. Медведь приоткрыл один глаз, наблюдая за ним, но не проявляя агрессии.

— Сердце мое не выдержало, - продолжила Добрава, разминая медвежье ухо между пальцами. — Взяла его, неразумная. Выкормила молоком, да медовыми сотами. А он, ишь, ирод, пристрастился и теперь у меня последнее подбирает.

Косолапый вдруг рухнул на бок, подставляя брюхо для почесывания. Добрава рассмеялась, словно на мгновение превратившись в маленькую беззаботную девочку и взяв тупую рогатину, принялась чесать его мощный торс, отчего зверь заурчал еще громче окончательно превратившись в самодовольного кота.

— Только не обманывайся его ласковостью, - предупредила она, внезапно став серьезной. — Дух лесной в нем живет. Когда необходимо, словно сам леший в него вселяется. Сколько уже незваных гостей от моего порога отгонял.

Всеслав посмотрел в зажмуренные от удовольствия медвежьи глаза и увидел в них что-то древнее, мудрое... почти человеческое.

— Так-то, милоч, - заключила Добрава, хлопнула медведя по боку и повернулась к избе.

— В лесу много чудес, куда больших, чем ручной медведь. Готовься - тебе еще не такие диковинки откроются, - равнодушно произнесла она и направилась в избу. Всеслав резво последовал за ней и поспешно захлопнул за собой дверь, словно боясь, что медведь вновь озвучит и ринется следом.

После уличного воздуха, в горнице отчетливо пахло сушеными травами и печеным хлебом, но этот уют уже не приносил прежнего покоя.

— Так... зачем же мне к Радогосту? - спросил Всеслав дрожащим голосом. Воспоминания о мрачном старце. — Если все в порядке... может, я лучше пойду домой?

Добрава замерла, ее ровная спина слегка сторбилась. Она медленно повернулась.

— Коли хозяин тебя выбрал, - медленно прошептала она, — то не позволит воротиться. Иного пути нет.

Она снова обернулось к нему спиной, а ее руки начали механически перебирать пучки сушеного зверобоя на столе.

— А там... если совсем невоготу будет, - она перешла почти на шепот. — Может, Радогост сможет помочь усладить хозяина... уговорить... чтобы отказался он от тебя.

Последние слова повисли в воздухе. Всеслав понял - она не верит в это сама. Это была ложь, чтобы дать ему хоть какую-то надежду.

Всеслав тяжело вздохнул. Он машинально принял из рук Добравы небольшой холщовый узелок, который оказался на удивление тяжелым.

— Спасибо, - пробормотал он, явно не ожидая от нее подобной услужливости.

— Конечно не княжеские яства, но голодным не останешься, — заботливо произнесла она.

Пока он разглядывал провизию, Добрава сняла с гвоздя у печи его одежду.

— Переодевайся, - кивнула она, отворачиваясь чтобы не смущать.

Всеслав быстро сбросил широкую рубаху и облачился в свое привычное одеяние. Ткань, хоть и выстиранная, все еще пахла родным домом - дымом печи и материнскими травами. Запах, который, возможно, он больше никогда не почувствует. К горлу сам собой подкатил ком.

Когда он затягивал пояс, Добрава вернулась с еще одним свертком - поменьше. Развернув его, Всеслав увидел: небольшой кремневый нож в берестяных ножнах, мешочек с солью, пучок какой-то травы с фиолетовыми цветочками и странную деревянную фигурку, напоминающую стилизованного коня.

— Что это?! – с недоумением поинтересовался Всеслав.

— Нож - для пути. Соль - для защиты. Зверобой - от тоски. А конь... - она запнулась, - ...пусть сопровождает.

В ее голосе прозвучала неподдельная грусть. Всеслав вдруг осознал, что эта женщина, которую он знал всего несколько часов, проявляла к нему больше заботы, чем многие сородичи за всю жизнь.

— Я... я не знаю, как вас отблагодарить, - искренне произнес он.

Добрава махнула рукой.

— Не благодари. Просто... будь осторожен.

Они вышли во двор, где могучий медведь по-прежнему нежился на солнце, раскинувшись как огромный ленивый ковер. Его бурая шерсть золотилась в лучах, а мощные бока равномерно поднимались и опускались в такт дыханию.

— Вставай, лежебока, - Добрава легонько пнула зверя носком лаптя, и в ее голосе прозвучала наигранная строгость. — Проводишь нашего гостя к Радогосту.

Мишка медленно приоткрыл один глаз, уставившись на Всеслава с явным неудовольствием, но без прежней злобы. Затем зевнул, обнажив ряд белых зубов, от которых у мальчика похолодело внутри.

Глаза Всеслава расширились, а челюсть буквально отвисла.

— С... с ним?! - он отпрянул назад, натываясь спиной на стену избы. — Да он разорвет меня, едва мы выйдем за порог!

Добрава рассмеялась, почесывая медведя за ухом:

— Ох, не бойся милочек. Мишунька хоть и выглядит грозно, но слово мое для него закон. Правда же, косолапый?

Медведь недовольно хрюкнул и отряхиваясь, покорно поднялся на все четыре лапы. Подойдя к Всеславу, он неожиданно ткнулся мокрым носом в его ладонь, оставляя на коже липкий след от меда.

— Видишь? - улыбнулась Добрава. — Он уже принял тебя. Да и как же иначе ты найдешь Радогоста? Тропы к нему хитрые, не здешние.

Всеслав нерешительно протянул руку и дрожащими пальцами коснулся медвежьей шерсти. Она оказалась удивительно мягкой и теплой. Косолапый терпеливо выдержал это робкое прикосновение, лишь фыркнув носом.

— Он... он точно меня не съест? - прошептал мальчик.

Женщина вдруг стала серьезной:

— Поверь, пока ты с ним, ни один зверь в лесу тебе не страшен. Да и не только зверь... - она многозначительно посмотрела в сторону леса, где уже сгущались вечерние тени. — Но помни: как только передаст тебя Радогосту - его защита закончится.

Медведь неожиданно ткнул Всеслава мордой в спину, подталкивая к лесной тропе. Его дыхание было горячим и пахло медом и диким лесным мхом.

— Пора, - вздохнула Добрава, поправляя узелок на плече мальчика. — А то хозяин ждать не любит.

Всеслав неуверенно сделал первый шаг, затем второй... Медведь шел рядом, его массивное тело время от времени задевало мальчика, будто проверяя, не отстал ли он. Когда они достигли опушки, Всеслав обернулся. Добрава стояла у ворот, маленькая и хрупкая на фоне огромной избы. Она подняла руку в прощальном жесте, затем развернулась и скрылась внутри, а Всеслав начал свой путь к Радогосту вместе со самым странным спутником, которого только можно было представить.

Опасное путешествие

Сумерки настигли их внезапно, словно незваный гость, перечеркивающий все планы. Еще час назад солнце золотило верхушки сосен, а теперь лес погрузился в сизую мглу, где каждый звук обретал странное, растянутое эхо. Воздух стал тяжелым, пропитанным запахом прелой листвы. Бурое чудище, как прозвал его Всеслав, шло впереди, мощные лапы бесшумно ступали по подушке из мха. Иногда он останавливался, поднимал морду и нюхал воздух, заставляя Всеслава замирать в ожидании. Но сейчас медведь вел себя иначе - его плечи напряглись, а шерсть на загривке поднялась, будто от невидимого ветра.

— Что там? - прошептал Всеслав, протирая ладонью вспотевший лоб. Но его грозный спутник словно не заметил вопроса и лишь слегка замедлил шаг. Тропа тем временем становилась все уже, пока не превратилась в едва заметную звериную тропку. Ветви цеплялись за рукава, а под ногами вместо твердой земли появился зыбкий ковер из сфагнома, пружинящий при каждом шаге. Всеслав вдруг осознал, что не слышит привычных звуков леса - ни птичьего щебета, ни стрекотни насекомых. Только странное,стораживающее безмолвие. И вдруг он увидел вдалеке странную желтую точку. Она мерцала подобно светлячку в ночи. Потом еще одна. И еще. Вскоре перед ними танцевала целая россыпь огней - то сближаясь, то расходясь в причудливом хороводе.

— Деревня! - вырвалось у Всеслава, и сердце радостно екнуло. Он уже представлял, как войдет в теплую горницу, где пахнет хлебом и сушеными яблоками, как растянет усталые ноги на мягкой лежанке...

Но его свирепый спутник внезапно встал на задние лапы, перегородив путь. Двухметровая тень зверя легла на мальчика, а из груди вырвалось предупреждающее рычание - низкое, вибрирующее, от которого по спине побежали мурашки.

— Да что с тобой? - возмутился Всеслав, пытаясь обойти медведя, но тот неожиданно толкнул его грудью назад. В глазах зверя читалось нечто, заставившее мальчика замереть - не угроза, а предупреждение.

Огоньки между тем продолжали подраживать своим причудливым танцем. Ветер донес странный звук - то ли детский смех, то ли шелест сухих листьев. А может, и вовсе нечто иное, для чего в человеческом языке не находилось слов.

Всеслав неосознанно потянулся к бусине на шее - она неестественно нагрелась, словно предупреждая об опасности. Но усталость, надежда на ночлег и что самое главное человеческое общество, которое могло избавить от похода к ненавистному старцу, оказались сильнее. Стоило косолапому проводнику на мгновение отвернуться, как мальчик ловко прошмыгнул мимо и помчался к манящим огням, к долгожданной безопасности...

Но не успел он сделать и десяти шагов, как земля ушла из-под ног. Всеслав не успел даже вскрикнуть. Холодная жижа хлюпнула под ногами, и в следующий миг он уже погружался по грудь в черную, вязкую массу. Болото обняло его цепкими объятиями, словно живое. Первый ужасный хлюпающий звук, первый пузырь воздуха, лопнувший у самого лица - и тело начало медленно, неумолимо погружаться.

— Помогите!

Голос сорвался в визгливый вопль. Руки инстинктивно взметнулись вверх, хватаясь за воздух, за пустоту. Болото было обманчиво мягким - не билось, не рвало, а просто... тянуло вниз, как тысяча крошечных рук, ухватившихся за одежду, за волосы, за кожу.

Пространство разрезал медвежий рев, от которого вздрогнули ветви на ближайших деревьях. Косолапый великан бросился вперед, но тяжелое тело тут же начало погружаться в трясины. Передние лапы почти мгновенно ушли по самые суставы, и зверь замер, понимая - еще шаг, и он тоже станет жертвой этого гиблого места.

Всеслав, ощущая приближение смерти судорожно забился. От чего еще быстрее начал погружаться в противную субстанцию. Зловонное болото уже подбиралось к подбородку, холодная жижа заползала за воротник, липла к шее.

А огоньки...

Они приблизились.

Теперь он видел их отчетливо – бледные, мерцающие, без век, без зрачков. Они плавали в воздухе, окружая его, будто десятки призрачных наблюдателей.

— Болотные огни, - слишком поздно осознал он, такие притягательные и такие коварные. Пальцы судорожно сжали болотную траву, но она рвалась, как гнилые нитки. В ушах звенело, в груди горело. Противная жижа уже поглотила подбородок, губы и стала забиваться в нос. Всеслав ощутил в ней отвратительный запах гнили – запах своей могилы и приготовился принять свою судьбу с честью. Но вдруг – голос. Не медведя. Не ветра.

Чей-то кого не было рядом. словно сам леший пришел поиздеваться над ним.

— Держись...

Шепот раздался прямо над ухом, хотя вокруг никого не было. Всеслав замер. В следующее мгновение мир вздрогнул от оглушительного треска. Его бурый проводник, собрав всю свою мощь, вцепился когтями в молодую березу у края трясины. Дерево затрещало, закрипело – и с громким хрустом рухнуло поперек болота, едва не задев Всеслава.

Паренек из последних сил вскинул руки. Пальцы впились в спасительный ствол дерева. Однако болото словно не хотело отпускать. Оно хлюпало, булькало, цеплялось за ноги, как нежить, не желающая расставаться с добычей. Но бурый силач уже тянул. Медленно. Неумолимо и хладнокровно. Весь его суровый вид показывал, что у этого проклятого болота против него нет ни единого шанса.

С каждым сантиметром Всеслав чувствовал, как холодная хватка топи ослабевает. И наконец – вздох. Воздух. Жизнь.

Он рухнул на твердую землю, облепленный черным илом, дрожащий, но живой.

Огоньки вспыхнули в последний раз – и погасли.

Руки, ещё сжимавшие ствол поваленной берёзы, дрожали, пальцы были ободраны, ногти забиты грязью. Лицо — бледное, как лунный свет, глаза — широко раскрыты, в них продолжал бродить ужас. Он лежал на спине тяжело дыша и зачарованно любовался вечерним небом совершенно потеряв счет времени. Постепенно дыхание выровнялось. Сердце, бешено колотившееся, успокоилось. Он пошевелил пальцами, потом ногами. Жив. Цел. На земле.

Он с трудом приподнялся на локтях. Волосы, слипшиеся от болотной грязи, свисали на лоб. Сбросив с лица тяжёлую прядь, он впервые посмотрел на своего спутника.

Медведь стоял в нескольких шагах, массивный, как валун, выросший из самой земли. Он, как и Всеслав был в иле — передние лапы чёрные до самых плеч, шерсть на груди слиплась, капли топи стекали с его морды, но он не дрожал, не жаловался. Он просто стоял, глядя на мальчика — не с гневом, не с жалостью, а с чем-то иным, глубоким и древним. Его маленькие глаза, обычно полусонные, теперь были ясны. В них читалась усталость. И упрёк.

Всеслав сглотнул. Горло пересохло. Ему хотелось сказать: «Спасибо». Хотелось крикнуть, заплакать, броситься к этому зверю и обнять его, как отца, как брата, как своего спасителя. Но слова застряли. Он просто смотрел взглядом полным покорности и благодарности.

Зверь лишь фыркнул. Громко. С отвращением. Будто сплёвывал с себя болото — и глупость мальчишки, что чуть не погубила их обоих. Затем он повернулся, тяжело, с достоинством, как король, покидающий поле битвы, и, не оглядываясь, двинулся вперёд — по узкой, почти стёртой тропе, что терялась в густой мгле.

Всеслав с трудом поднялся. Каждая кость ныла. Каждый шаг давался с усилием. Но он шёл. Шёл за этим бурым великаном, чья огромная тень падала на землю и покрывала его как щит. Он не оглядывался и не думал о доме. Он не вспоминал Веселину, мать, отца. Он просто

шёл. И впервые он не боялся. Не потому что страх исчез, а потому что понял: рядом с этим зверем ему нечего бояться, а главное теперь он не сомневался – хозяин выбрал его и это не просто чья-то фантазия. Так есть.

Болотные огни больше не искушали. Лес замолчал. Только шаги. Только тёплое дыхание зверя рядом.

Новые приключения

Вечерние сумерки приготовились передать эстафету ночной тьме, воздух стал густым, а каждый вдох отдавался в груди прохладой. Лес, что ещё час назад шелестел листвой, словно мать, убаюкивающая дитя, теперь замолк. Ни шороха, ни птичьего крика — только тишина, плотная и тяжёлая.

Всеслав, не взирая на усталость и желание спать, шёл следом за медведем. Ноги утопали во мху, а глаза затуманивались. Он был измучен — тело ныло после борьбы с болотом, сердце сжималось от тревоги, а в голове всё ещё стоял голос, шепнувший: *«Держись...»*

Кто это был? Ветер? Дух? Или... что-то другое?

Тропа неожиданно свернула. Не просто свернула — исчезла. Перед ними раскинулся лес, но не тот, что был днём. Деревья стояли слишком прямо, как будто их вырезали из одного куска ночи. Кора блестела, как трава, покрытая росой на заре. Ветви не шевелились, даже под дуновением легкого ветерка. Но самое странное — тени. Они лежали криво. Падали не туда, куда положено от луны и звёзд, а будто росли из земли и тянулись вверх, к ветвям.

Всеслав остановился. Сердце заколотилось.

— Эй... — прошептал он, но голос не отозвался эхом. Он просто исчез, будто его проглотила тишина.

Косолапый проводник встал как вкопанный. Его уши напряглись, шерсть на загривке поднялась. Он не рычал. Не фыркал, а просто смотрел вперёд — туда, где между деревьями мелькнуло что-то. Фигура. Силуэт.

Та же самая рубаха. Те же босые ноги. Та же бусина на шее. Но глаза... Глаза были пустыми, как у мёртвой рыбы, выброшенной на берег.

Это был он. Другой Всеслав. Высокий, бледный, с лицом, вырезанным из воска. Он стоял на той же тропе, но с противоположной стороны — как в зеркале.

— Кто ты? — вырвалось у Всеслава.

Отражение не ответило. Оно лишь медленно подняло руку — и повторило его жест.

Всеслав сжал кулак. Отражение повторило его движение.

Он шагнул вперёд. Отражение сделало то же самое.

Он остановился. Оно — тоже.

— Это лесной дух, — прошептал он, вспоминая бабушкины сказки. — Двойник. Тот, кто забирает чужую судьбу. Кто живёт в тени, пока хозяин не умрёт...

Медведь вдруг зарычал — низко, хрипло, словно предостерегая: *«Не подходи.»*

Но Всеслав сделал шаг.

Двойник так же шагнул — и вышел из-под кроны дуба прямо на середину тропы.

Они находились лицом к лицу, разделённые лишь узкой полосой мха. Всеслав чувствовал, как холод идёт от этого существа — не мороз, а внутренняя пустота, будто внутри него только тьма.

— Зачем ты здесь? — спросил Всеслав дрожащим голосом.

Отражение открыло рот и заговорило его голосом.

— Ты боишься. Ты не хочешь идти. Ты хочешь домой. Я могу занять твоё место. Пойду к Радогосту. А ты... вернешься обратно.

Всеслав отшатнулся. На мгновение его охватила радостная истома — он сможет вернуться к матери, отцу, к Василине. Но слабость длилась лишь мгновение. Он тут же вспомнил Добраву, касание в воде, глаза в лесу, болото, Потапыча, как ласково он прозвал своего спутника после спасения.

— Нет! Я пойду сам! — твердо ответил он.

— Ты не веришь в себя. Ты дрожишь. Тебя могло напугать обычное болото. А я... я не боюсь. Я — твоя лучшая версия. Я — то, кем ты мог бы быть, если бы не был так слаб и пуглив.

Глаза двойника вспыхнули — и в них отразился лес, но не настоящий, а темный и зловеющий. В нём горели дома. Кричали люди. Падали тела. И среди всего этого — он, Всеслав, в длинной рубахе, с посохом в руке, стоящий у костра среди склоняющихся перед ним и поклоняющихся ему толпы людей.

— Я — тот, кем ты можешь стать если только дерзнешь. Но ты боишься. Ты цепляешься за прошлое. За мать. За Веселину. За тепло печи. А это — не твой путь. Оставь его мне.

Всеслав пошатнулся. Перед глазами поплыли образы: мать, падающая у реки. Отец, кричащий в темноте. Веселина, машущая ему с порога. Его дом. Его детство. Его смех у костра.

Он схватился за бусину на шее. Она вновь потеплела, как накануне, перед болотом.

— Я не хочу забывать! — выкрикнул он. — Я не хочу быть тенью!

— Тогда отпусти, — прошептал двойник. — Отпусти, иначе лес тебя сожрёт. Как сожрал тех, кто не смог выбрать.

Всеслав посмотрел на медведя. Тот стоял, как страж у ворот загробного мира. Его глаза горели — не гневом, не предостережением, а интригующим ожиданием, словно желая предугадать действия Всеслава.

И тогда Всеслав понял. Он не должен бороться с двойником. Он должен отказаться от него и всего что связывало его с прошлой жизнью, чтобы стать совершенно иным человеком, которого не знает и возможно никогда не узнает из его прошлого, где он был Всеславом беззаботным веселым мальчишкой, любящим коротать время у речушки и делится сокровенным с Веселиной — своим единственным другом.

Он сорвал с шеи бусину.

— Прости, Веселина, — прошептал он, смахивая рукавом слезы с щеки и бросил бусину в болото у края тропы.

Она упала и тут же исчезла, будто её никогда и не было.

В тот же миг двойник вздрогнул. Его лицо исказилось. Глаза вспыхнули — и погасли. Он пошёл трещинами, как старая кора и с гулом рассыпался в пыль.

Лес зашумел. Ветер зашелестел листьями. Где-то неподалеку запыхтел ёж. Всё стало как прежде. Но Всеслав знал — он уже не тот, что был и никогда не сможет стать прежним.

Он поднял глаза на Потапыча. Тот смотрел на него. Не сердито. Не жалостливо. С уважением. Затем что-то проворчав на своем медвежьем, он развернулся и пошёл вперёд — туда, где тропа снова проявлялась.

Всеслав, склонив голову пошёл следом. Он больше не оглядывался, ибо позади осталось не только болото - позади осталась его прежняя жизнь. Впереди же только путь, у которого нет конечной точки.

Дуб-страж

После исчезновения двойника, Всеслава окутала густая тишина. Она не принесла облегчения, лишь подчеркнула пустоту в груди, в том самом месте, где еще мгновение назад висела бусина Веселины. Лес наконец словно выдохнул. Ветер снова зашелестел, листва затрепетала, а вдалеке раздался писк ночной птицы. Однако внутри Всеслава царила странная опустошенность. Он отдал частицу себя, частицу прошлого, и теперь шел вперед, ощущая себя легче и одновременно – до жути уязвимым. Потапыч не проявлял больше эмоций, или укора. Он просто тронулся в путь, его массивные лапы бесшумно ступали по подушке мха, уходящей вглубь леса, туда, где деревья смыкались еще плотнее, а воздух становился влажным и тягучим.

Шли долго. Усталость, накопившаяся после битвы с трясинной и душевной встряски с двойником, тяжелым свинцом налипала на кости. Ноги Всеслава заплетались, глаза слипались. Он мечтал лишь об одном – остановиться. Хотя бы на минуту. Хотя бы у воды, чтобы смыть липкую грязь болота и ледяной пот страха, все еще покрывавший его кожу.

Внезапно Потапыч замер и втянул воздух широкими ноздрями. Всеслав машинально последовал его примеру. Он тут же почувствовал резкую перемену. Запах прели и хвои сменился озерной сыростью, несущей прохладу и... странную, гнетущую тишину.

«Вода?» – с надеждой прошептал он про себя, протирая глаза. Медведь не ответил, лишь глухо хрюкнул и осторожно раздвинул лапой завесу плакучих ив, свисавших до самой земли.

Пространство перед ними развернулось неожиданно и зловеще широко. Они стояли на краю гигантской чаши, вырезанной неведомой силой среди вековой чащи. Озеро. Но какое-то... неправильное.

Вода была не синей, не зеленой, даже не серой. Она была черной. Не грязной, а глубокой, бездонной чернотой, как жидкий обсидиан, вылитый в каменное ложе. Поверхность ее была совершенно неподвижна. Ни ряби от ветерка, хотя воздух здесь был ощутимо холоднее, ни всплеска рыбы, ни даже пузырька воздуха. Абсолютная гладь, как зеркало темного неба, но лишенная жизни и движения. От нее веяло холодом, проникающим сквозь одежду, пробирающим до костей.

Берега были низкими, топкими, поросшими чахлым камышом, больше похожим на черные, обгоревшие спички. Земля под ногами превратилась в зыбкую, вязкую трясину, пахнущую гнилью и тиной. Никаких признаков человеческого присутствия – ни тропинок, ни причалов, ни следов костра. Только бесконечная черная вода и мрак леса, сжимавший озеро в гигантские объятия.

Над озером висело настоящее ночное небо – бесчисленные звезды, холодные и яркие, Млечный Путь, раскинувшийся серебристой рекой. Но отражение в черной воде было пугающе иным. Оно казалось ярче, четче, ближе. Звезды горели в глубине с неестественной интенсивностью, как раскаленные угольки на черном бархате. Это перевернутое небо выглядело не отражением, а параллельным миром, затягивающим взгляд в свою холодную, бездонную пустоту. Смотреть на него было одновременно завораживающе и страшно.

Именно тишина была самым гнетущим. Лес позади них еще жил – шуршанием, писком, шелестом. Здесь же царила абсолютная, мертвая тишина. Она была не просто отсутствием звука, а активной, давящей сущностью. Она обволакивала, глушила собственное дыхание, заставляла сердце биться гулко и тревожно в собственной груди, как барабан в пустом зале. Даже шаги медведя, ступившего на топкий берег, не издали привычного хлюпа – влажная земля лишь беззвучно прогибалась под его тяжестью.

Воздух был тяжелым и влажным, им трудно было дышать. Холод от озера пробирал насквозь, контрастируя с теплом, еще сохранившимся в теле после пути. Возникло чувство глубочайшей изоляции и древности. Казалось, это озеро существовало здесь всегда, с незапа-

мятных времен, и все эти века хранило свою черную, безмолвную тайну. На душе стало тоскливо и тревожно, как перед лицом чего-то непоправимого и вечного. Желание просто умыться уступило место инстинктивному желанию отступить, вернуться в шумящий, живой лес.

Всеслав стоял, замороженный и подавленный, на краю этой черной бездны. Усталость куда-то ушла, сменившись леденящим вниманием. Потапыч издал рядом тихое, предостерегающее ворчание, его взгляд был прикован к центру озера, где на фоне звездного отражения чернел силуэт одинокого, мертвого исполина. Путь к Радогосту вел вперед, но эта черная гладь казалась непреодолимой преградой, за которой таилось нечто куда более страшное, чем болото, или двойник. Это было лицо самой Вечности.

Замороженный черной бездной, Всеслав медленно поднял взгляд к центру озера. Там, словно последний страж утонувшего мира, возвышался дуб. Но не живой великан леса, а его мертвая тень. Голые, скрюченные ветви, черные от вековой сырости, впивались в ночное небо, как костяные пальцы гигантского скелета, вцепившегося в края небесной чаши. Ствол, некогда могучий, был изъеден временем и водой, покрыт трещинами, похожими на шрамы, и наростами, напоминавшими застывшие слезы земли.

Внезапно Всеслав ощутил прикосновение Потапыча и тут же его сознание разорвалось от сотни образов и знаний которыми он не обладал. Оказалось, что задолго до его рождения, это место дышало святостью. Дуб-Страж был не просто деревом – он был алтарем под открытым небом. Сюда, к чистым тогда водам, приходили далекие предки его народа. Они приносили дары плодородной земле и щедрому лесу, возносили благодарности своим богам – грозному Перуну, мудрому Велесу, щедрой Макоши. Воздух звенел от священных гимнов, дымились жертвенные костры из душистых трав, трепетали на ветвях яркие ленты – обережные пояски и рушники, повязанные с благодарностью и надеждой.

А теперь... Лоскуты ткани на ветвях – вот все, что осталось от той поры. Но отныне это были не символы веры, а жалкие, истлевшие призраки былого. Выцветшие до грязно-бурого и серого, обвисшие, облепленные тиной, они болтались на мертвых сучьях, как траурные флаги над могилой забытой веры. Каждый клочок казался неммым укором, криком души, вырванной из мира живых вместе с отвергнутыми богами.

Сама эта атмосфера висела над озером и дубом не просто печалью, а глубоким, леденящим негодованием. Казалось, сама земля, вода и воздух пропитаны яростью отвергнутых духов предков и богов. Это была не тихая скорбь, а гулкое, подавляющее возмущение. Холод исходил не только от воды, но и от этой невидимой, всепроникающей обиды. Она сжимала сердце ледяной рукой. Дуб, некогда связующий мир людей и мир духов, стал монументом предательства, магнитом, притягивающим не хвалу и благодарность, а отчаяние и вечную немую скорбь.

У самого основания исполина, в местах, где черная вода лизала его корни, на полузатопленных камнях проглядывали древние руны. Они словно были выбиты не рукой человека, а, казалось, самой силой веры давно ушедших поколений – спирали, трезубцы, переплетенные змеи, символы солнца и плодородия. Архаичные и почти стертые временем, но по-прежнему явственные и ощущаемые. Подобно заклятиям, забытым, но не утратившим силу. Как последнее предупреждение, высеченное в камне теми, кто еще помнил истинных хозяев лесов и вод, и чей гнев теперь витал здесь, невидимый и всемогущий.

Потапыч стоял неподвижно. Он не рычал, не фыркал, а лишь издавал тихий, протяжный стон, полный глубокой скорби. Его медвежья душа, прибывающая куда ближе к древним духам леса, чем человеческая, явственно чувствовала святость этого места и всю тяжесть кощунства, его погубившего. Он опустил голову, шерсть на загривке встала дыбом, но не от ярости, а от негодования перед человеческим предательством. Его лапа мягко, но неумолимо преградила Всеславу путь к воде, ибо глубина душевной пропасти, накопившейся в этом месте, была способна засосать сильнее любой трясины.

Неожиданно из черной пучины, прямо из-под корней Дуба, поднялся первый, едва различимый звук. Не голос, а скорее стон. Глубокий, низкий, полный невыразимой тоски и... упрека.

Тишина, повисшая после первого ледящего вздоха озера, оказалась лишь временным затишьем.

Затем родилось нечто иное. Сначала это был не голос. Не мелодия. Это был шелест. Как будто тысячи сухих листьев просыпались на дне бездонного колодца. Шелест, который не слышали уши, но чувствовали кости – низкая, гудящая вибрация, поднимающаяся из самых черных глубин, прямо из-под корней Дуба-Стража. Она пробежала по воде, но не нарушила ее зеркальной неподвижности. Вместо этого задрожали отражения звезд в черной бездне. Они замерцали искаженно, как пламя свечи на сквозняке. Эта вибрация коснулась и Всеслава. Она вошла не через уши, а через ступни, впитанная зыбкой топью берега, поднимаясь по ногам, заполняя живот и сжимая грудную клетку. И тут, шелест преобразился. Он стал... вздохом. Глубоким, протяжным, женским. Полным такой невыразимой тоски, что у Всеслава перехватило дыхание. Вздох повторился. И еще. И вот уже они переплелись, образуя нечто большее. Не песню, ибо не было слов, а звук, мелодия, сотканная из стонов ветра, блуждающего меж деревьев, плача ребенка, потерявшегося в темном лесу и шепота умирающего, лежащего на смертном одре.

Она лилась над черной водой, не имея видимого источника, будто само озеро запело своим нутром, а Дуб служил резонатором для этого похоронного гимна.

Этот звук обволакивал. Он проникал под кожу, заполнял уши мягким, но неумолимым гулом. По спине Всеслава побежали ледяные мурашки, не от страха, а от пронзительной, вселенской грусти. В груди заныло, как от самой дорогой потери. Глаза сами собой наполнились влагой, но слезы не текли – они застывали ледяными крошками где-то внутри. Во рту появился горький привкус полыни и пепла.

Вместе с тем мелодия не пугала. Она соблазняла. В ее пронзительности была странная, гипнотическая сладость. Она шептала без слов, обращаясь прямо к усталой, израненной душе мальчика: *«Видишь эту тяжесть? Видишь эту боль? Это правда мира. А там, у Дуба... Там тишина. Там покой. Там нет ни страха пути, ни тоски разлуки, ни гнева богов. Там только вечный покой. Подплыви... Отдохни... Забудь...»*

Желание сделать шаг к воде, найти ислевшую лодку и оттолкнуться от берега стало не желанием, а потребностью. Ноги сами понесли Всеслава вперед, к зыбкой кромке.

Потапыч зарычал. Но это был не предупреждающий рык, а стон агонии. Медведь скулил, как щенок, его могучая голова моталась из стороны в сторону, словно он пытался не позволять слуху воспринимать эту проникающую какофонию скорби. Он тер морду лапой, фыркал, но звук, казалось, бил его по нервам с удвоенной силой. Его звериная сущность, ближе стоящая к природным духам, острее чувствовала забвение этой песни. Он видел её ловушку, но его собственная душа корчилась от слащавых лап ее прикосновения.

Воздух над озером сгустился и над водой повис жидкий туман. Запах гнили и тины усилился, смешавшись с призрачным ароматом увядших цветов и старой пыли – запахом забытых алтарей и погребальных костров. Мерцание звезд в воде превратилось в хаотичный танец огоньков, напоминающих те самые болотные огни, что чуть не погубили Всеслава, но теперь они были бледнее и холоднее. Дуб в центре казался ближе, его очертания – четче и пронзительнее. Лоскуты на его ветвях слабо зашевелились, будто подхваченные невидимым дыханием, превращаясь в танцующие призраки былых надежд, теперь зовущие присоединиться к их вечному безмолвию.

Разум Всеслава затуманился. Образы Веселины, матери, отца, тепла родного очага – все, что еще сохранялось в его воспоминаниях – растворялось, замещаясь одной всепоглощающей мыслью: *«Тишина. Покой. Дуб. Вода. Забвение...»*. Он чувствовал, как его страх, его сомнения, сама его воля к жизни уступают место сладкой, парализующей апатии. Шаг к старой лодке,

поросшей мхом за долгие годы простоя, казался не опасностью, а освобождением. Лишь где-то на самом дне сознания, как крошечная искра в ледяной пустыне, теплилось смутное ощущение обмана, подпитываемое жалобным скулением медведя и ледяным холодом тоски, сжимавшим сердце.

Ноги, тяжелые и чужие, несли его к воде, к зыбкой кромке, где топкая грязь с мокрым чавканьем все глубже и глубже принимала его босые ступни. Холодная береговая жижа обвила щиколотки, и это прикосновение несло не отвращение, а леденящее обретение покоя. Неожиданно его взгляд скользнул по гипнотической глади у самых ног и замер.

Рядом с его собственным отражением – проступили лики. Они возникали неясно, словно написанные дымом на бархате ночи. Десятки, может, сотни женских лиц, растворенных в бездонной тьме озера. Их бледность была мертвенной, фосфоресцирующей, как гнилушки во мраке. Они были бледными пятнами в черной пустоте. Но страшнее бледности были глаза. Вернее, то, что их заменяло: бездонные глазницы, чернее самой озерной пучины. Ни зрачка, ни белка – лишь абсолютная, всепоглощающая тьма, смотревшая сквозь Всеслава в бесконечность собственной скорби. В них не было злобы, лишь окаменевшая, вечная тоска, застывшая на пороге между мирами. Из темных ореолов вокруг лиц струились волосы. Но не живые пряди – черные водоросли, склизкие ремни тины, стонущие тени. Они колыхались в незримом течении, медленно, гипнотически, прикованные невидимыми канатами к самому дну этого водяного гроба. И от них, от этих призрачных ликов, исходила та самая песня тоски. Каждый их лик был нотой в этом похоронном гимне, наполняя воздух атмосферой невыплаканных слез, оборванных жизней, несказанных слов. Они были немым хором забвенного Озера.

Как не странно, но их вид не отпугивал, а напротив резонировал с тоской, взращенной мелодией в его собственной израненной душе. Пустые глазницы манили. В них читался немой зов: *Разве ты не видишь? Мы – как ты. Усталые. Обиженные судьбой. Разве не хочешь покоя? Разве не хочешь перестать чувствовать? Приди. Здесь тихо. Здесь нет боли. Здесь только мы... и вечный сон под сенью Дуба...*

Скрываемые темной водой, бледные руки, казалось, тянулись к его отражению, не чтобы утащить, а чтобы обнять, принять в холодное, безмолвное сестринство.

Глубокий, яростный рев Потапыча, прервал сладкий яд песни. Всеслав, уже поднявший ногу, чтобы ступить в прогнившую лодку, на мгновение замер, но было уже поздно. Его воля была сломлена, а разум пленен. Он видел, как огромная лапа медведя, в порыве спасительной ярости, обрушилась на ветхие доски. Древесина с хрустом, похожим на хруст ребер, разлетелась на щепки, но это не могло остановить Всеслава, полностью попавшего под власть «Тихих». Он сделал широкий шаг и по шею погрузился в воду.

Ледяной удар обжег все тело, вышибив из легких воздух. Но странно – через мгновение холод перестал быть мучительным. Он стал... обволакивающим. Убаюкивающим. Черная вода приняла его в свои маслянистые объятия, и песня, теперь звучащая уже не над ним, а внутри него, зазвучала чище, громче, слаще. Он не плыл – его тело само, повинувшись гипнотическому ритму, двинулось вперед, к одинокому Дубу-Стражу, чьи ветви теперь казались распростертыми руками.

Вдруг из глубины, из самой кромешной тьмы, растекающейся под ним, потянулись прикосновения. Сначала это было едва уловимо – легкое, скользкое касание о ногу, будто проплыла крупная рыба. Потом – холодные пальцы, обвившие запястье, жидкие и невесомые, но с неожиданной силой. Еще – чьи-то невидимые пряди волос, липкие, как водоросли, обвили вокруг шеи, мягко, но настойчиво утягивая вниз. Это были те же ледяные пальцы, что коснулись его когда-то у солнечной реки, но теперь не предостерегающе, а властно, требовательно. Он чувствовал, как десятки рук хватают его за одежду, за волосы, за кожу. Они не рвали, не тянули резко – они обволакивали, опутывали шелковыми путами тоски, увлекали в прохладную, безмолвную пучину, сулящую вечный покой. Вода вокруг него забурлила от их незри-

мого движения, и в ушах зазвенело от нарастающего давления. Он уже почти не боролся, готовый открыть рот и вдохнуть черную сладость забвения. И в этот миг, когда последняя искра сознания уже готова была угаснуть, на мертвом Дубе, в самом центре его могучего ствола, меж голых, скрюченных ветвей, вспыхнули глаза. Два огромных, горящих угля. Те самые глаза. Что следили за ним из чащи в ночь бегства, что пылали янтарным огнем в чаще. Те же, что видел его отец. Но теперь они горели не отстраненным любопытством, или дикой яростью. В них пылала необоримая, древняя воля. Властная и безраздельная. В них был молниеносный гнев и в то же время – приказ. Они смотрели не на Всеслава. Они смотрели сквозь него, в самую толщу черной воды, в самое сердце скопища «Тихих».

И тут случилось необъяснимое. Прикосновения исчезли. Мгновенно, будто их и не было. Давящие путы, опутавшие его тело, растворились. Вода, только что кипевшая от незримых тел, стала абсолютно гладкой, спокойной и... мертвой. Песня, заполнявшая собой вселенную, оборвалась. Не затихла, не смолкла – ее выключили. Воцарилась оглушительная, звенящая тишина, тяжелее и страшнее любого звука. Давление исчезло. Хор вечной тоски умолк, при- давленный одним лишь взглядом.

Всеслав, вдруг снова ощутивший леденящий холод и жгучую нехватку воздуха, инстинктивно рванул вперед. Его движения стали легкими, свободными. Ничто более не отвлекало и не тянуло вниз. Он плыл, тяжело дыша, через внезапно покорную воду, к одинокому островку земли у подножия Дуба.

Наконец его пальцы впились в вязкую, илистую почву, он с трудом выкарабкался на берег и рухнул на колени, сотрясаясь от кашля и дикого, животного ужаса, который наконец-то прорвался сквозь пелену наваждения.

Он был на клочке суши, у корней исполина. Позади простиралась абсолютно черная, безмолвная гладь озера. Перед ним – грубая кора мертвого Дуба-Стража. А где-то высоко над головой, в чаще ветвей, таился тот Взгляд, что одним лишь своим появлением усмирил саму бездну. И теперь он, Всеслав, сидел у его подножия – спасенный, но плененный окружавшей темной гладью. На смену сладкому соблазну забвения пришел новый, чистый и острый, как лезвие, страх перед неведомой силой, в чьей власти он оказался.

С другого берега, сквозь звенящую тишину, донесся яростный рев. Всеслав, весь мокрый и дрожащий, поднял голову. Потапыч метался у кромки воды, как призрак, обезумевший от бессилия. Его могучая туша вздымалась и опускалась в порывах дикой ярости, лапы взметали фонтаны черной жижи, но ступить в воду он не смел. Казалось, сама древняя сущность озера, сама его проклятая святость выстраивала незримую, но непреодолимую стену между зверем и мальчиком. Его рев был полон не только ярости, но и шемящей тревоги, отчаяния стража, нарушившего свой долг. Он чувствовал, что потерял своего подопечного, и эта потеря жгла его сильнее любого огня.

Но Всеслав уже почти не слышал его. Его сознание, очищенное ледяной водой и шоком от «Взгляда», было приковано к тому, что возвышалось перед ним. К странному дубу. Ствол исполина вблизи казался не просто мертвым – он был вечным. Кора, потрескавшаяся и почерневшая, напоминала окаменевшую кожу какого-то невообразимо древнего существа, заснувшего, но не умершего. От него исходило не излучение жизни, не сок, бегущий по жилам, а нечто иное – глубинная, незыблемая сила, холодная и непреложная, как закон мироздания. Он не жил в мире растений. Он существовал в ином измерении бытия.

Всеслав, повинувшись непонятному инстинкту, робко протянул руку вперед, коснулся его и внезапно ощутил нечто. Не умом, а каждой клеткой своего существа. Этот дуб не был деревом. Он был проводником. Мощной, исполинской жилой, соединяющей миры. Его корни, без сомнения, уходили не просто в ил этого проклятого озера – они пронзали самый низ Нави, впитывая ее леденящие, мертвенные соки. Его голые ветви, вздымающиеся к звездам, пронзали слой Яви и тянулись выше, к самой Праве, к холодным, непостижимым эфирам, где оби-

тают боги. Он стоял как ось, как мировая колонна, и через его окаменевшую плоть непрерывно, неумолимо текли силы – вниз и вверх, вверх и вниз. Текли энергии созидания и разрушения, порядка и хаоса, жизни и смерти, смешиваясь в нем в некий вселенский ток, недоступный пониманию смертных. И ему, Всеславу, только что позволили коснуться этого. Не просто доплыть до острова. Коснуться самой этой связи. Причаститься к этому ужасающему, божественному механизму мироздания. То прикосновение «Тихих» в воде, тот ледяной ужас, а затем – карающий и милующий Взгляд, усмиривший саму бездну... Это был ритуал. Испытание. Или милость. Его, мальчика, отметили. Не просто выбрали. Ему открыли дверь, куда заперта дорога пахарю, воину, даже волхву, знающему лишь обряды, но не суть.

От этой мысли по коже побежали ледяные мурашки. Его охватила смесь благоговейного ужаса и слепой покорности. Он чувствовал себя ничтожно малым, букашкой, приползшей к подножию исполинского алтаря, на котором вершатся судьбы миров. Ему было не по себе. Не от страха физической расправы, а от осознания, что его жизнь, его боль, его страх – всего лишь песчинка в часовом механизме, масштабов которого он не мог объять.

Он сидел на холодных корнях, укоренившихся в Нави, под кроной, тянущейся в Правь, и чувствовал, как по его жилам течет не кровь, а ледяной ток откровения. Он был больше не Всеслав, мальчик из поселения. Он был избранным, принесенным к подножию Древа-Стража, и путь назад, в простую человеческую жизнь, был для него навеки закрыт.

Он ошарашенно посмотрел вверх, но увидел не просто рассыпанные по бархату ночи звезды. Небо раскрылось перед ним как гигантский свиток, испещренный огненными письменами судьбы и знания. И в него, в его сознание, в самую душу, хлынул поток. Это был не звук, не голос, не образы. Это было чистое знание, холодное и ясное, как вода горного источника. Оно стекало в него, как дождь в подставленную чашу, заполняя каждую клеточку, выжигая остатки детских страхов и наивных представлений о мире. Это была память. Не его личная, а память земли, память крови, память тысячелетий, накопленная бесчисленными поколениями его предков, тех, кто еще помнил истинные имена ветра и травы.

Отныне он знал, что твари, пугавшие его по ночам в бабушкиных сказках, – не злобные чудовища, жаждущие человеческой крови. Домовой – не вредитель, а строгий хранитель очага, следящий за порядком и ладом в семье. Леший – не похититель детей, а неукротимый дух-хозяин чащи, хранитель ее законов, карающий тех, кто приходит в лес с дурным сердцем, с жадностью, или неуважением. Кикиморы и русалки – не исчадия ада, а духи стихий, порожденные тоской по утраченному, не нашедшие покоя, и потому требующие к себе особого, осторожного отношения, знака признания их власти над болотом, или омутом. И «Тихие», едва не утянувшие его в свою холодную семью... Они были стражами границы. Вечными плакальщицами на рубеже миров, чья песня была не зовом смерти, а предостережением, проверкой на прочность, напоминанием о ценности жизни и тепла.

Все они были старше. Невообразимо старше человека. Они – первозданные стражи порядка, установленного задолго до того, как человек срубил первое дерево. Они не ненавидят людей. Они равнодушны к ним, как горный поток к травинке на своем пути. Но они следят. И через страх – самый древний и действенный инструмент обучения – они заставляют род человеческий помнить о своем месте. О том, что нельзя оскорблять землю, которая кормит. Нельзя брать у леса больше, чем необходимо. Нельзя забывать, что мир полон сил, не подчиняющихся ни копыю, ни огню.

Поток знаний иссяк так же внезапно, как и начался. Звезды снова стали просто звездами. Но Всеслав лежал, парализованный тяжестью обретенного понимания. Детство в нем было мертво. Сожжено дотла этим ледяным пламенем истины. Его тело осталось прежним – худощавым, детским. Но внутри сидел старец. Мудрый, усталый, видевший изнанку миров и познавший их суровые, неумолимые законы. В его глазах, широко распахнутых и отражавших

теперь всю глубину ночного неба, плескалась многовековая тоска и спокойная, безрадостная ясность волхва.

Он больше не принадлежал себе. Его «я», его желания, его личная судьба – все это растворилось, как утренний туман. Он был проводником. Живым сосудом. Посохом, который взяли в руку силы, правящие миром, чтобы через него доносить свое слово до глухих ушей человечества. Он был их устами, их волей, запечатанной в оболочку ребенка.

Когда он наконец смог пошевелить онемевшими членами и подняться, опираясь на шершавую кору Дуба-Стража, его движения были уже иными – медленными, полными недетской уверенности и невероятной тяжести. Он повернулся к тому берегу, где все еще метался в ярости и отчаянии его верный проводник. Потапыч, встретив его взгляд, вдруг замер. Рев оборвался. В глазах зверя, способного видеть суть, отразилось не узнавание своего попугайчика, а благоговейный ужас и безмолвное понимание. Он смотрел не на мальчика. Он смотрел на того, кто пришел. И в тишине проклятого озера прозвучал беззвучный приговор: детство с его играми окончено. Началась служба. Служба силам, которых Всеслав не призывал, но которые сами выбрали его.

Он медленно поднялся с холодной земли. Отныне каждый мускул, каждое сухожилие повиновалось не инстинкту, а глубокой, холодной воле, что теперь пульсировала в нем вместо крови. Он обернулся к исполинскому Дубу, этому безмолвному стражу миров, и склонил голову в безмолвной, исполненной понимания благодарности. Благодарности за боль, за ужас, за дарованное знание, что оказалось тяжелее любой ноши. Это был не поклон раба, а кивок усердного ученика, принявшего урок от вечного учителя.

Затем он развернулся и шагнул в черную воду. Но на сей раз ее ледяное прикосновение не обожгло, а обновило. Вода не была больше враждебной стихией, она стала родной средой, понятной и прозрачной до самой сути. Он чувствовал каждое ее движение, каждый ток, каждую вибрацию, как рыба чувствует речное течение. Он не плыл – он словно двигался по ней и она уступала ему дорогу, чувствуя в нем своего.

Неожиданно из глубин темной бездны явились «Тихие». Их бледные лики возникали по обе стороны от него, но больше не неся в себе ужас и соблазн. Их пустые глазницы были обращены на него с безмолвным, глубоким почитанием. Они не тянули его вниз. Они очищали ему путь. Их скользкие, невесомые руки не хватались за него, а мягко подталкивали, направляли, ускоряя движение к берегу. Они были свитой духа, возвращающегося в свой удел, немой стражей, отдающей честь тому, кто прошел испытание и был признан. Их печальная песня окончательно умолкла, уступив место торжественной, звенящей тишине признания.

Вот и берег. Его ступни коснулись твердой почвы. Потапыч, все это время, замерший в напряженном ожидании, издал тихий, сдавленный звук. Его яростное безумие угасло, сменившись благоговейным трепетом. Огромный зверь, хозяин лесов, склонил свою могучую голову, коснулся мокрого лба мордой и склонился к его стопам в немом, глубоком поклоне. Отныне он видел не мальчика, с которым делил путь, а носителя. Проводника силы, перед которой склоняется все живое.

Всеслав в последний раз обернулся. Озеро лежало перед ним – черное, безмолвное, увенчанное своим мертвым стражем. Но теперь он видел его истинный лик. Это не было проклятым местом. Это было сакральное сердце мира, неприкосновенное святилище, где сходились нити Яви, Нави и Прави. Место силы, столь же древнее и грозное, как сама вселенная. Оно не пугало – оно требовало благоговения. И ему, Всеславу, было даровано знать это. И помнить, что дорога сюда закрыта для прочих. Для тех, чье сердце не готово принять истину, а ум – сломается под ее тяжестью.

Он положил руку на загривок склонившегося медведя. Прикосновение было спокойным, но властным.

— Пошли, — прозвучал его, тихий, но удивительно твердый, лишенный детских интонаций голос.

Буря

Их путь продолжился, уводя в самую глубь дремучей чащи, где вековые ели сплетали свои ветви в непроглядный терем, а воздух густел, наполняясь терпким ароматом хвои и влажной земли. Но дарованное озером знание не прибавило физических сил, и тело Всеслава, истощенное ледяной водой и духовной битвой, изнемогало под грузом нечеловеческой усталости. Ноги отказывались повиноваться, превращаясь в чужие, тяжелые колоды; каждый шаг давался с трудом, сквозь наваливающуюся слабость и туман в голове. Он едва переставлял ноги, спотыкаясь о корни, что теперь виделись ему не преградами, а жилами древней, спящей земли.

Потапыч, чья звериная чуткость улавливала малейшую перемену в состоянии спутника, замер. Обернувшись, он не выразил нетерпения — в его темных, умных глазах читалось лишь понимание. Медведь мягко толкнул Всеслава мордой в грудь, заставив остановиться, затем опустил на передние лапы и наконец лег на землю, подставив спину. Это был не просто жест — то был обряд, молчаливое признание права избранного на отдых и принятие своей новой роли.

Всеслав, не колеблясь, перекинул ослабевшую ногу через могучее тело и устроился в колыбели из бурой, теплой шерсти. Его охватило чувство глубокого, почти первобытного комфорта. Тепло огромного зверя, его ровное, мощное дыхание, поднимавшее и опускавшее спину подобно волне, создавало кокон абсолютной безопасности. Запах медвежьей шкуры — густой, терпкий, пропахший хвоей, медом и дикой землей — словно бальзамом успокоил остатки дрожи в теле. В этом тепле таяла ледяная хватка озера, уступая место животворной силе жизни.

Ощущение невесомости буквально окрыляло. Теперь не приходилось тащить измученное тело сквозь чащобу — он плыл над землей, как в надежной ладье, пока могучие лапы Потапыча бесшумно и уверенно прокладывали путь. Лес превратился в живой ковер, проплывающий под ним, а он сам стал наблюдателем, чье тело наконец-то могло отдыхать, пока путь продолжался. Его переполняла тихая, горячая благодарность — не за удобство, а за само это признание, за немую, глубокую заботу существа, в чьей власти было растерзать его, но которое теперь склонило перед ним свою дикую гордость. Он запустил пальцы в густую шерсть, чувствуя под ней напряжение могучей мускулатуры, и мысленно послал волну признательности. Потапыч в ответ издал глухое, урчащее ворчание — медвежий знак одобрения.

Прибывая в тепле и безопасности, взгляд Всеслава блуждал по ночному лесу, открывая для себя истинное чудо. Тот самый лес, что еще недавно казался скопищем ужасов, наполненным шепчущими тенями и голодными глазами, теперь раскрыл перед ним свой истинный лик. Он больше не боялся — он понимал. Понимал язык шелеста листьев — то была не зловещая ворожба, а беседа старых друзей. Видел в переплетении ветвей не ловушки, а узорчатую вязь, вышитую самой природой. Слышал вой волка вдали — и знал, что, то не угроза, а песня о границах владений, которую он теперь мог прочесть, как открытую книгу. Как он мог бояться этого раньше? Лес был его домом. Великим, древним, живым домом, полным своих законов и своих стражей. Леший был не чудовищем, а строгим, но справедливым хозяином этих чертогов. Прочие существа — не исчадиями тьмы, а его обитателями, каждый на своем месте, каждый исполняющий волю мироздания. Ночь была не временем зла, а временем иного, таинственного бытия, когда лес сбрасывал дневные покровы и являл свою настоящую, дикую и прекрасную суть. Он ехал на спине Господина Леса через его владения, и владения эти признали его не как гостя, а как своего. И от этого познания в его усталой, но просветленной душе распускался цветок тихой, безмерной радости и спокойствия.

Постепенно, синева небосвода над вершинами деревьев померкла и потемнела. Сперва это были лишь отдельные, рваные клочья туч, неспешно плывущие с запада, но вскоре они сплотились в единое, свинцово-серое полотно, нависшее над самыми макушками сосен. Воз-

дух, еще недавно звонкий и прозрачный, загустел, стал спертым и влажным, наполняясь запахом озона и далекого дождя. Лес замер в тревожном ожидании. Притих даже ветер, будто затаив дыхание перед лицом неминуемого.

И вот, из-за дальних холмов, донесся первый глухой раскат. Не громкий, а словно подземный стон, пробудивший эхо в самих скалах. Вслед за ним, разрезая мрак на горизонте, полыхнула молния – слепая, белая зигзагообразная трещина в ткани мира. Лес ахнул, и с первой же секунды его облик переменился. Исчезла прежняя, мудрая безмятежность. Деревья, еще недавно казавшиеся дружелюбными великанами, напряглись, их кроны зашептались тревожно и по-новому – не беседуя, а предупреждая об опасности. Звериная жизнь притихла, попряталась, ушла в норы и под корни. Лес показал свой иной лик – не дома, а крепости, готовящейся к осаде стихии.

Гроза приближалась неумолимо, с каждым новым ударом грома, все более оглушительным, и каждой молнией, все более близкой и ослепительной. И наконец хлынуло. Не дождь, а сплошная стена воды, обрушившаяся с небес с такой силой, что казалось, рухнула сама небесная запруда. Ветер, до того молчавший, перешел в яростный, слепой шквал. Он гудел в ушах, хлестал мокрыми ветвями по лицу, гнул вековые стволы, и слышался треск – то ли сучьев, то ли могучего дерева, не выдержавшего напора и сломленного или вырванного с корнем. Мир растворился в хаосе воя, хлещущей воды и ослепительных вспышек.

Потапыч, не раздумывая, перешел на мощный, стремительный бег. Он не петлял между деревьями, а шел напролом, его могучая туша, как живой таран, расчищала путь сквозь хлещущие завесы дождя. Всеслав, пригнувшись к его шее, вцепился в мокрую шерсть, почти не видя ничего вокруг, кроме размытой водяной пелены и призрачных силуэтов деревьев, мелькающих в молниях.

И тут, словно сама земля сжалась над ними. В боковой скале, поросшей мхом, зияло темное отверстие. Не глубокая пещера, но вполне достаточная для укрытия. Потапыч, не сбавляя хода, юркнул внутрь, и мгновенно оглушительный рев бури стих, сменившись глухим, приглушенным гулом снаружи.

Внутри было сухо, тихо и пахло сыростью, старой листвой и... миром. Пол пещеры был устлан густым, как бархат, слоем мха, мягким и упругим. Они стояли, отряхиваясь, с них ручьями стекала вода, образуя маленькие лужицы. Потапыч тяжело дышал, его могучий торс ходил ходуном. Затем, он с наслаждением и громко фыркая, повалился на мягкую подстилку.

Всеслав, дрожа от пережитого и холода, рухнул рядом, прижавшись спиной к его горячему, влажному боку, уткнувшись лицом в густую, все еще мокрую, но уже согревающую шерсть. Тепло живого могучего тела начало быстро прогонять ледяной холод дождя. Снаружи бушевала стихия, грохотал гром, но здесь, в каменной колыбели, под защитой скалы и верного зверя, было тихо и безопасно. Дыхание Всеслава выровнялось, тяжелые веки сами собой сомкнулись. Последнее, что он слышал, было размеренное, мощное сопение медведя, сливающееся с отдаленным рокотом грома.

Неожиданное лакомство

Казалось прошло всего мгновение, когда леность сна начала отступать. Всеслав открыл глаза, и мир встретил его не яростным ливнем, а тихим, золотым сиянием. В отверстие пещеры, словно в раму, была вставлена картина ясного утра. Солнце поднялось уже высоко, и его лучи, пробиваясь сквозь кружево листвы, играли на каменном полу бликами-зайчиками и высушили влажную землю до состояния рассыпчатого, теплого праха. Воздух, промытый грозой, был чист и прозрачен, наполнен ароматом влажной хвои, прелой листвы и чего-то цветущего, сладковатого. Каждая песчинка, каждая травинка сверкала миллионами крошечных радуг в каплях еще не испарившейся росы.

Потянувшись, как малый котенок, Всеслав почувствовал под ладонью знакомую шершавую шкуру Потапыча. И в тот же миг из глубин медвежьего брюха донесся низкий, протяжный и совершенно отчетливый звук – настоящее ворчание пустых недр, похожее на отдаленный раскат грома, но куда более требовательный. К слову, и его собственный желудок отозвался тихим, но настойчивым предательским урчанием.

С улыбкой, Всеслав развязал свой скромный узелок, подарок Добравы. Остатки провизии выглядели сиротливо: несколько подсохших краях хлеба, горсть сморщенных ягод и кусок вяленого мяса, больше похожий на щепку. Чисто символически он разломил мясную пайку пополам и протянул большую часть своему спутнику.

— На, великан, подкрепишься, — сказал он, похлопывая медведя по боку.

Потапыч благосклонно обернулся, обнюхал предложенное своим влажным, бархатным носом, фыркнул и с видом глубочайшего презрения отвернулся.

Всеслав рассмеялся.

— Ну, извините, медка с малиной я не захватил.

Медведь лишь издал недовольное хрюкающее ворчание.

— Ладно, не кипятись, — Всеслав добродушно потрепал его по загривку. — Мои запасы тоже на исходе. Так что скажешь? Не пора ли нам на промысел?

От этих слов Потапыч мгновенно преобразился. Он вскочил на все лапы, отряхнулся и радостно заворчал, виляя задом так, что с него полетели клочья мха.

Всеслав усмехнулся и так же поднялся.

— Веди, о великий охотник.

С радостным фырканием косолапый великан выскочил из пещеры.

Выйдя из каменного укрытия, они мгновение погрелись на солнышке, словно определяясь с дальнейшей стратегией. Могучий нос Потапыча начал вздрагивать, читая невидимые письмена лесных запахов. Вдруг он фыркнул, решительно ткнул мордой в бок Всеслава — будто говоря «жди здесь» — и тяжелой, но стремительной рысью устремился налево, в густую чащу, и вскоре его бурая шкура растворилась в зелени и тенях.

Оставшись один Всеслав ощутил странное чувство. Не страх одиночества, а тихое, настойчивое влечение. Словно невидимая, теплая рука легла на его плечо и мягко, но неумолимо повела вперед, направо, туда, где лес стоял особенно густо. Он не раздумывал, не спорил — доверился этому внутреннему зову.

Тропа, по которой он пошел, была скорее звериной тропкой, и она привела его на поляну, где особенно яростно прошлась буря. Картина предстала одновременно разрушительная и величественная. Казалось, здесь сразились титаны. Мощные сосны и ели лежали, вывороченные с корнем, их гигантские, спутанные с землей корневища вздымались к небу, а кроны, еще недавно горделивые, бессильно простерлись по земле. Воздух был густо напоен хвойным, смолистым духом, но не свежим, а горьким — духом слома и смерти. Солнце, пробиваясь сквозь

прорехи в пологе, ложилось на стволы золотыми платками, и в его лучах кружили миллионы пылинок и мошек, празднуя новое освещение этого места.

Повсюду лежали груды ветвей, похожие на огромные, брошенные гнезда, а земля была испещрена глубокими ранами — следами скользивших корней.

И вот среди этого хаоса его взгляд, ведомый тем же внутренним чутьем, зацепился за один из поваленных стволов. Не за сам ствол, а за то, что на нем держалось. На боковой его части, приподнятой над землей, висел большой, темно-серый, слепленный из воска и прополиса улей. Он был велик, размером с добрый горшок, и казался неживым, покинутым. Видимо, дерево, падая, содрало или раздавило его основание, и пчелы, лишившиеся защиты были вынуждены улететь искать новое пристанище, оставив свои припасы.

С затаенным дыханием, Всеслав подошел ближе. Осторожно, держась на почтительном расстоянии, он поднял длинную палку и ткнул ею в бок улья. Ни единого жужжащего стража не вылетело на защиту. Он постучал сильнее. Тишина. Лишь глухой стук по восковым стенам отозвался в воздухе. Его обуяла радость, горячая и стремительная. Он бросил палку и бросился к дереву. Улей сидел крепко, но несколько сильных рывков и тяжелая, душистая ноша оказалась в его руках. Неожиданный подарок был невероятно тяжелым, полным застывшего, темного меда. Сладкий, пряный, пьянящий аромат ударил в нос, заставив сглотнуть слюну.

Не раздумывая, и прижимая драгоценную находку к груди, Всеслав пустился бежать к тому месту, где расстался с Потапычем. Ноги сами несли по уже знакомой тропке, сердце колотилось от предвкушения. Воображение живо рисовало довольную морду его косолапого друга, счастливое ворчание при виде этого сладкого сокровища. Лес, еще недавно хранивший следы ярости стихии, теперь казался ему щедрым и бесконечно добрым дарителем.

Бежать с тяжелой ношей оказалось делом нелегким. Улей, налитый медом, оттягивал руки, а корни и ветки, усеявшие землю после бури, так и норовили подставить подножку.

Наконец Всеслав сбавил шаг, переводя дух. Кричать, подзывая Потапыча, он не решался — кто знает, какие уши могли проснуться в этом оживающем после грозы лесу. Вместо этого он пытался уловить хоть какой-то звук — топот тяжелых лап, хруст веток, знакомое сопение.

Но лес хранил тишину. Тогда Всеслав закрыл глаза и прислушался уже не ушами, а тем самым внутренним чутьем, что привело его к улью. Он мысленно представил Потапыча — его грузную, могучую фигуру, тепло его шкуры, упрямый нрав. И ноги сами понесли вперед, не по тропе, а напрямик, через папоротники и бурелом. Он шел сквозь чащу, внемля шепоту интуиции. И вот сквозь частую сетку ветвей он увидел движение. Крупное, темное. Всеслав продвинулся еще немного вперед и оказался на небольшой поляне, где замерев, едва не разрился диким смехом.

Открывшаяся картина была до того комичной, что все тревоги мигом испарились. Потапыч, великий и грозный хозяин леса, сидел на задних лапах посреди развороченной земли. Его морда и могучая грудь были перепачканы глиной и черноземом. Перед ним зияла свежая яма, а он мусолил какой-то грязный, неприглядный на вид корень, яростно обгладывая его с упорством голодного существа.

Всеслав, спрятав улей за спиной, сделал несколько шагов вперед.

— И это тот самый привереда, что воротил нос от гостинцев Добравы? — весело произнес он.

Медведь поднял голову. Его маленькие глазки сузились. Он что-то пробурчал себе под нос — явно ругательное на своем медвежьем наречии, с отвращением швырнул обглоданный корень и с новым рвением принялся рыть землю, демонстративно игнорируя насмешки. Но буквально через мгновение он замер. Его влажный черный нос задрожал, судорожно втягивая воздух. Медленно Потапыч поднял морду. В его глазах, еще секунду назад полных упрямого негодования, вспыхнул дикий, азартный, жадный блеск. Он уставился на Всеслава с немым, но красноречивым вопросом.

Всеслав невинно приподнял брови.

— Что такое? Тебе же не нравятся мои угощения. Продолжай свой пир, о великий землекоп. Найдешь, небось, червяка на десерт.

И тут Потапыч, этот громадный, могущественный зверь весь сжался, сделавшись моментально удивительно маленьким и жалким. Он жалобно заскулил, совсем как щенок, положил свою грязную морду на передние лапы и посмотрел на Всеслава взглядом, полным такой наигранной, но искренней скорби, что мальчик не выдержал и залился звонким, до слез, смехом.

— Ладно, ладно, простили тебя, обжора, — сквозь смех выдохнул он и, наконец, вытащил из-за спины свой трофей, с торжеством водружая тяжелый, душистый улей на землю прямо перед медведем.

Косолапый издал радостный, дикий рев, отшвырнул проклятый корень и всей своей мощью обрушился на лакомство. Мир для него сузился до размеров воскового горшка, полного золотого, липкого счастья. А Всеслав, смеясь, уселся рядом на корягу, глядя, как его грозный друг чавкает, обливается медом и урчит от блаженства.

Когда лохматый сладкоежка сполна утолил свое чревоугодие они продолжили путь. Потапыч шел впереди, и его движения обрели необычайную плавность и грацию. Он покачивал головой, облизывая сладкие остатки меда с морды, и издавал глубокое, довольное урчание, похожее на отдаленный пережат грома. Время от времени он оборачивался, чтобы посмотреть на Всеслава своими маленькими, сияющими глазками, и в этом взгляде читалась такая безмерная благодарность и привязанность, что сердце мальчика наполнялось теплом. Он был счастлив, что смог доставить радость своему громадному, но в душе простому и верному другу.

Они шли так еще некоторое время, и рутина пути — мерный шаг, шелест листвы, щебет пробудившихся после грозы птиц — начала навевать на Всеслава приятную усталость. Солнце уже клонилось к западу, отбрасывая длинные, косые тени, когда сквозь деревья блеснула и зазвенела вода. Чаща расступилась, открыв берег небольшой, но невероятно живой и шустрой речушки. Вода, еще взбаламученная вчерашним ливнем, неслась по каменистому ложу, пенилась и играла на перекатах, наполняя воздух свежим, энергичным гомоном.

Силы окончательно покинули Всеслава. Словно тетива лука, натянутая до предела, он вдруг ослаб. Не дойдя до берега, он рухнул на густой, изумрудный ковер прибрежной травы. Раскинув руки в стороны и уставившись в бездонное голубое небо, он громко, на весь лес, объявил:

— Всё. Я больше никуда не пойду. Я — пустой. Ни крошки внутри, ни полсилы в ногах. Или поспать, или поесть. Иначе я тут и останусь навсегда.

Он прикрыл глаза, подставив лицо ласковым лучам заходящего солнца и свежему, прохладному ветерку, что весело танцевал над водой. Растворившись в этом блаженстве — шепоте воды и травы он даже не заметил, как Потапыч, услышав его жалобу, замер на мгновение, а затем бесшумно, с внезапной целеустремленностью, скрылся в приречных зарослях.

Не прошло и десяти минут, как тихий шелест в кустах возвестил о возвращении Потапыча. Всеслав приподнялся на локте, и глаза его расширились от изумления. Из зарослей ивы появился медведь, и в его мощных челюстях, аккуратно, но уверенно, билась крупная, серебристая рыбина. Свежая, только что пойманная, она отливала на закатном солнце всеми цветами радуги, а с ее хвоста струилась вода. Явно не желая оставаться в долгу за медовое угощение, косолапый друг явился с идеальным ответным даром.

— Вот это скорость! — аж присвистнул Всеслав, вскакивая на ноги.

Он не стал тратить время на пустые восторги. Голод требовал действий. Быстро подобрав два подходящих кремня, он несколькими уверенными, резкими ударами высек сноп искр на заранее подготовленный пучок сухого мха и птичьего пуха. Тот вспыхнул оранжевым язычком, и вскоре на берегу уже потрескивал, набирая силу, аккуратный костерок. Ловко орудуя заостренной палкой, Всеслав приготовил трофей Потапыча на огне. Не прошло и 20 минут,

как воздух заполнил несравненный аромат запеченной рыбы. С нетерпением сняв с импровизированного вертела дымящееся лакомство, он устроился на берегу и принялся уплетать его с таким блаженством, что, казалось, забыл обо всем на свете. Это был самый изысканный пир после всех скудных перекусов последних дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.